Персональный ангел

Автор:
Татьяна Устинова

Персональный ангел

Татьяна Витальевна Устинова

Татьяна Устинова. Первая среди лучших

Читая политическое досье олигарха Тимофея Кольцова, Катерина – мозговой центр агентства по связям с общественностью – понимала, что ее начальство почему-то взялось за почти гиблое дело: возвести на губернаторский престол олигарха Тимофея Кольцова. Но ее возражений никто не слушал – поезд ушел, надо работать. Работать с угрюмым, видящим насквозь, циничным Кольцовым было трудно. Но момент истины для Катерины настал, когда она вместе с Тимофеем и его охраной попала под обстрел в джипе по дороге в его прибалтийский замок. Он прикрыл ее своим могучим и тяжелым телом. Катерина поняла – она в него втюрилась. И ей стало вдвойне страшно за него, за свое чувство… А потом случилось нечто столь ужасное, после чего, казалось, жить незачем…

Татьяна Устинова

Персональный ангел

Странные вещи случаются с нами иногда в жизни. А мы даже не замечаем, что происходит. Так, например, мы вдруг обнаруживаем, что были глухи на одно ухо, ну, скажем, в течение получаса.

Джеймс Барри, «Питер Пэн»

День, обещавший так много, заканчивался плохо.

Катерина положила трубку, раскалившуюся от гневных выкриков клиента, которому не понравилась статья, появившаяся с утра в «Коммерсанте». Изменить все равно уже ничего было нельзя, и Катерина едва удержалась от того, чтобы не надерзить строптивому клиенту. Виноват на самом деле был его собственный зам, не желавший учиться общению с прессой, а вовсе не агентство по связям с общественностью, которое это интервью организовало.

Двадцать минут она уговаривала, убеждала, сыпала комплиментами и клялась в вечной любви. Ничего не помогало. Клиент продолжал бушевать, и к концу разговора Катерина чувствовала себя тряпкой, которой вытерли пол, а потом засунули ее в угол, не забыв напоследок попинать ногами.

– Ох-хо-хо, – сказала Катерина и потерла глаза, уставшие от контактных линз и табачного дыма.

Самое время тихонько, не привлекая высочайшего внимания начальников, убраться восвояси. Она торопливо покидала в сумку пудреницу и телефон и, сделав решительное и озабоченное лицо, чтобы всем окружающим сразу было ясно, что она отправляется куда-то по сверхважным делам и при этом очень спешит, двинулась в сторону лифтов.

Но не тут-то было.

– Катя! – радостно закричала из приемной генерального секретарша Ирочка. – Как хорошо, что ты еще не ушла! Олег только что просил тебя найти, я даже трубку сняла.

С протяжным стоном преступника, пойманного за руку в самый ответственный момент, Катерина посмотрела в пустую кабину пришедшего лифта, дождалась, когда закроются вожделенные двери, и только после этого поплелась к генеральному.

– Что стряслось? – спросила она, едва войдя. Генеральный был не один. Первый зам попивал кофе из большой белой кружки, сидя за столом переговоров. Это не сулило ничего хорошего и могло означать только одно – они настроены на долгую беседу.

Катерина стояла посреди кабинета, решив ни за что не садиться. Может, если она будет стоять, они смилуются и отпустят ее домой?

– Садись, садись! – предложил генеральный, моментально разгадавший ее маневр. – Садись и читай.

И он швырнул на стол тяжелую кожаную папку.

Второй начальник приглашающим жестом отодвинул кресло, и Катерине ничего не оставалось, как покориться судьбе-злодейке.

– Что это? – спросила она уныло.

– Новый клиент! – ответил генеральный.

– Кто?

– Открывай, – велел генеральный тоном Деда Мороза, раздающего подарки, и многозначительно посмотрел на зама.

Катерина взяла со стола папку и некоторое время просто держала ее в руках, не открывая. Она специально испытывала терпение обоих начальников, которые сидели с такими самодовольными физиономиями, что не потянуть время было просто невозможно. Катерина понимала, что они, очевидно, поймали очень крупную рыбу, их ужимки и прыжки могли означать только это.

Она любила обоих начальников за неиссякаемый боевой задор, бульдожью хватку, профессионализм и даже некоторое присутствие порядочности. По крайней мере, с ней они оба всегда были очень милы.

– Ну ладно, Катерина, давай, не тяни, – наконец не вынес младший начальник Саша Скворцов, – мы оценили твою выдержку и здоровый скептицизм. Открывай.

Катерина вздохнула легонько и открыла папку.

– О господи, – пробормотала она, уставившись на большую цветную фотографию. Начальники переглянулись, довольные произведенным эффектом. Впрочем, иного они и не ожидали. Человек на фотографии на всех производил одинаковое впечатление.

– Ну как? – Главный начальник Олег Приходченко хотел бурных восторгов, а третье лицо компании и ее главная творческая сила что-то уж слишком долго молчало, рассматривая фотографию и не перелистывая страниц.

Дело было сделано громадное – клиент, не просто перспективный, а очень перспективный, вместе со своим миллионным бюджетом, был у них в кармане, и только сам Приходченко знал, чего это стоило.

Катерина наконец оторвалась от созерцания фотографии и устало заявила:

– Вы просто спятили. Оба. Где вы его взяли?

– Коммерческая тайна, – буркнул Саша Скворцов, поняв, что никаких восторгов не предвидится. – А что тебя не устраивает, собственно? Мы добыли заказчика, у которого одна машина стоит столько, сколько ты зарабатываешь за десять лет. Ты его будешь вести. С нашей помощью, разумеется.

– Ну, разумеется, – усмехнулась Катерина.

– На его деньги мы будем жить всю жизнь, вместе со всей нашей лавкой. – Саша, как специалист по связям с общественностью, гнул свое и не давал сбить себя с толку ироничными замечаниями. – Так почему ты делаешь кислое лицо?

Они так с ней церемонились, потому что знали – без нее они не вытянут этого клиента. Да и никакого другого, даже значительно более простого, не вытянут. Катерина соображала, как компьютер пятого поколения, и, когда увлекалась, готова была работать день и ночь. Коммерческие вопросы они решали без нее, а стратегические только после консультации с ней. Впервые в их совместной работе они не спрашивали ее мнения, а ставили перед фактом, и Катерине это не слишком нравилось.

– Я не делаю кислое лицо, – ответила она Скворцову. – Я просто знаю, что мы ввязались в совершенно гиблое дело. Я все понимаю, и про бюджет, и про перспективы, но я также понимаю, что работать с такого рода личностями – это конец света.

И все замолчали. Катерина рассматривала фотографию.

Мужчина на ней выглядел мрачным и тяжелым, как танк «Т-34» времен Отечественной войны. У него было неприятное лицо и взгляд людоеда из детской сказки. Очки в тонкой золотой оправе смотрелись на его лице таким же инородным телом, как бриллиантовая брошь на платье нищенки.

Какой-то продвинутый имиджмейкер подсказал, поняла Катерина, чтобы облагородить резкое, почти уродливое лицо. Зря подсказал – очки смотрелись смешно.

– Что ему нужно? – спросила Катерина, переворачивая фотографию лицом вниз, смотреть на нее долго было невозможно, хотелось спрятать глаза и отодвинуться.

– Все, – коротко ответил Приходченко. – Полный спектр услуг, от начала до конца.

– Что это значит? – Катерина изучала первую страницу досье.

– Ты прочти сначала, – с легкой досадой посоветовал Скворцов, – а потом все обсудим.

Ему не нравилась реакция Катерины. Было очень важно, чтобы этим делом занялась именно она, только тогда они выжмут максимум возможного из этого суперклиента и его амбиций. Тогда они наконец выйдут на уровень, о котором можно только грезить, лежа без сна между тремя и четырьмя часами ночи.

Катерина, пошарив рукой по столу, достала из пачки сигарету. Приходченко щелкнул зажигалкой и подвинул ей пепельницу.

– Завод на Урале, – пробормотала Катерина. – Верфи в Питере и в Калининграде. Недвижимость в Москве. Банк «Новое время». Телеканал СТМ, неужели тоже его? А вроде был Лисовского…

– Перекупил с месяц назад, – пояснил Приходченко, знавший это досье наизусть.

– Депутат от Калининграда, – бормотала Катерина, – член совета директоров Уралмаша, газета «Итоги»… кстати, неплохая газета… медиа-холдинг, ну это понятно, куда ж нынче без медиа-холдингов… Театр Ленинского комсомола тоже он спонсирует? Надо же, научил кто-то театры спонсировать… – Она перевернула страницу, мельком глянув на начальников. Начальники слушали ее перечисления как музыку.

– Биография… – Катерина затушила сигарету, читать стало интересней. Ее всегда занимало, как можно сделать такие деньги. Понятно, что нужно воровать, но воровать исключительно талантливо. – Вырос в Калининграде, школа № 43, ПТУ… ну, конечно… завод «Янтарь», о господи, наладчик. Наладчик?! Инженер, начальник смены, начальник цеха. Директор. После приватизации, что ли? – Катерина взглянула на Приходченко. Тот кивнул. – Дальше все как по писаному. Окончил Калининградский технический институт. И еще Академию народного хозяйства три года назад. Ну, этот диплом купил для порядка, или опять, может, кто подсказал…

– Кать, не надо думать, что он идиот, – не выдержал Скворцов.

– Идиотов с такими деньгами не бывает, – ответила Катерина, – по крайней мере живых…

– Вот именно, – усмехнулся Приходченко.

– Сорок один год, второй раз женат. Первая жена, Людмила, прозябает на исторической родине, в славном городе Калининграде. Разошлись давно и тихо-мирно, судя по тому, что в прессе никаких скандалов не было. Интересно, он ее содержит или нет? Не выяснили? – Катерина глянула на начальников. Скворцов отрицательно покачал головой. – Надо выяснить. Вторая жена, Диана Карпинская, «мисс Мода – 94». О господи, как они все неоригинальны, эти олигархи… Куда же ему, бедному, без «мисс Моды»? Практически никуда… Ушла с подиума вскоре после того, как вышла замуж. С первой женой она его развела

или они раньше развелись, никто не знает?

– Ты все и узнаешь, Катерина, – ехидно ответил Скворцов. Она пропустила ремарку начальника мимо ушей. Биография доброго молодца – промышленного магната ее по-настоящему увлекла.

– Сегодня прелестная женушка – генеральный директор издательского дома «Диана», выпускает популярный женский журнал «Диана» и еженедельник о моде «Диана». Как, опять Диана? Нет, ей-богу, вы спятили, ребята. Клиент похож на разъевшегося уголовника из зоны, его жена называет собственным именем все, что видит вокруг. У нее нет виллы на Средиземном море под названием «Усадьба «Диана»?

Начальники переглянулись и, перестав шататься по кабинету, заняли места за столом переговоров, напротив нее.

Шутки кончились, так поняла их маневр Катерина. Начинается работа, за которую ей придется браться, как бы она ни пыталась их разозлить и заставить тащить проект без нее.

– Дайте я дочитаю-то, – попросила она с тоской. – Немножко осталось.

– Валяй, дочитывай, – разрешил Приходченко. – И запоминай все хорошенько. Так чтоб потом время не тратить.

– Машины – никаких пристрастий. К «Мерседесам» равнодушен. Неужели? Представительская машина – «Ягуар». В быту ограничивается джипом. «Лендровер» индивидуальной сборки. Вот это классно придумано – в быту! Охрана передвигается на «Хаммере». О боже, боже… К одежде равнодушен. Носит английские костюмы, которые привозит из Лондона. Развлечений – никаких. Как, а голые девочки в бане?

– Никаких голых девочек, Катерина. – Приходченко даже обиделся за клиента. – Тут уж одно из двух: или девочки, или бизнес такого уровня. Любовница, наверное, есть, мы не проверяли, но уж девочек точно нет.

– Хотите, я догадаюсь, что он слушает в машине? – спросила Катерина, закрывая папку.

– Хотим, – улыбнулся Приходченко. Это было интересно. Катерина еще не вступила в игру, еще иронизировала и ломалась, но ее безошибочное чутье уже улавливало что-то, какие-то токи, исходившие от собранного материала, и за это чутье Приходченко готов был простить ей все, что угодно, любые выкрутасы.

– В машине он слушает группу «Любэ» и роняет скупую мужскую слезу на свой кейс с деньгами, когда они поют про коня или про комбата. Точно?

– Попала, Катька, – улыбнулся Приходченко. – Про слезу не знаю, но слушает он «Любэ», это точно. Ты политическое досье специально не стала смотреть?

– Олег, уже конец дня, я настроилась домой идти. Если хотите обсуждать что-то, давайте обсудим, хотя и так все ясно. А досье я с собой возьму. Почитаю на ночь. Прелестное, надо сказать, чтение. Если вы хотите что-то сказать мне сверх того, что я уже изучила, – вперед.

– Вперед, – повторил Приходченко. – Самое главное – он хочет пройти в губернаторы. На своей, как ты выражаешься, исторической родине.

– Я догадалась. – Катерина снова закурила.

День был тяжелым, и она понимала, что разговаривать им еще долго. Хотелось домой. Сестра обещала заехать на ужин, а Катерина опять пропустит все самое интересное – Дарьины рассказы про дочку, двухлетнюю Саньку, которую они всем семейством обожали. Дарья завтра будет звонить и ругать ее, никудышную сестру и невнимательную тетку.

Приходченко тоже закурил, задумчиво пуская дым в Сашу Скворцова.

– Но не это самое главное, – встрепенувшись, вступил в разговор Саша. – Самое главное, что губернаторством дело не ограничивается.

– В президенты метит? – осведомилась Катерина с усмешечкой. – В правильном направлении мыслю?

– Ты всегда мыслишь в правильном направлении, – согласился Приходченко и вновь замолчал.

Он сознательно оставлял все объяснения на долю Саши Скворцова, у того это получалось лучше, да и ссориться с Катериной у Олега не было никакого резона – пусть ссорится Скворцов.

О ссорах Александра Скворцова и Катерины Солнцевой по офису ходили легенды, о них слагали былины и шептали друг другу в уши в курилке. Приходченко был ни при чем. Положение генерального директора позволяло свалить все самое неприятное на долю близкого окружения – Скворцова и Солнцевой. Саша о своей участи прекрасно знал, просто деваться ему было некуда.

– До президентских выборов осталось как раз три года. Если он на следующий год пройдет в губернаторы, то на создание земного рая, или его видимости, в отдельно взятом анклаве останется два года. Вполне достаточно. Наша главная задача – создать эту видимость так, чтобы в нее поверили все, включая самого клиента.

– Наша главная задача, – раздражаясь, вступила Катерина, – осознать масштабы бедствия, в которое мы со всего размаху вляпались. Ведь отступать, как я понимаю, некуда?

Скворцов кивнул, соглашаясь.

– Воистину некуда, раба божья Екатерина. У него формируется предвыборный штаб, и мы в него уже вошли как служба по связям с общественностью. Нужно быстро составить план мероприятий, придумать, куда лучше всего вложить деньги, написать медиа-планы, все как всегда.

– Да не все как всегда, Саша! – Катерина завелась с пол-оборота. Она ненавидела эту скворцовскую черту – весело рассуждать о самых сложных проектах, ставить заведомо невыполнимые задачи, а потом так же весело требовать их выполнения. Иногда это срабатывало – трепеща пред светлым начальничьим ликом, сотрудники вылезали из кожи вон, создавали на пустом месте целые программы и резво их воплощали в жизнь.

Сейчас, Катерина отлично это понимала, совсем другой случай. Ценой ошибки была не потеря денег, а «усекновение главы», как называл крупные неприятности Катеринин отец, Дмитрий Степанович, того же Саши Скворцова.

– Мы никогда в жизни не занимались выборами. Это раз. Мы никогда не работали в его окружении. Это два. Нам всем придется как минимум на год переселиться в Калининград. Это три. Нас никто не допустит до тела. Никогда. Это и четыре, и пять, и восемь, и двенадцать.

– Почему не допустит? В понедельник мы едем представляться. Непосредственно телу, – снисходительно поправил ее Саша. – Ты, между прочим, тоже едешь.

– Хорошо, один раз мы его увидим в непосредственной близости от себя, а потом? Или Тимофей Кольцов будет принимать Приходченко каждый день, и выслушивать отчеты, и править речи, и согласовывать графики мероприятий, и утверждать встречи, и общаться с журналистами, и учиться правильно говорить? Все это он как миленький будет делать, а нам останется только правильно использовать его денежки. Об этом вы грезите?

– И об этом тоже, – согласился Саша, не теряя снисходительности.

– Вы не понимаете, что на себя берете, ребята, – устало сказала Катерина. – Я правда очень горжусь тем, что работаю с вами. Вы, как начальники, исключительно хороши. У меня такие впервые. Но ни вы, ни я ничего не понимаем в политическом пиаре. И так быстро, как нужно, не научимся. А значит, все будут вечно недовольны друг другом. Он деятель такого уровня, что мы никогда не получим к нему прямого доступа. Нас всегда будут ограничивать, останавливать и не допускать. Мы не имеем никакого отношения к его окружению. Или имеем?

Приходченко медленным движением подтянул к себе соседнее кресло и водрузил на него ноги в лакированных ботинках.

Врать Катерине ему не хотелось. Правду сказать он не мог. Поэтому он произнес нечто среднее, но вполне безопасное и правдоподобное:

– Меня вывели на его зама по прессе Игоря Абдрашидзе. Он когда-то начинал в ТАСС, поэтому у нас остались общие знакомые. И, в общем, мы его устроили как грамотная и почти что своя, карманная, команда.

– А что, у него нет по-настоящему карманной команды? – подозрительно спросила Катерина. – Или у тебя были какие-то рычаги воздействия?

– Были, были, как же иначе? – проворчал Приходченко, не желая вдаваться ни в какие подробности. – В теннис три раза поиграли, вот и все рычаги.

«Ты врешь, – поняла Катерина, – если бы все было так просто, вы бы меня спросили, прежде чем принимать решение. Нет, тут чьи-то интересы сыграли роль, только непонятно чьи».

Катерина знала, что ни один из ее начальников всерьез в политику никогда не лез, хотя все отлично понимали, что самые большие деньги крутятся именно там. Они работали с крупными промышленниками, банкирами и даже поп-звездами. Все эти категории, кроме последней, имели весьма опосредованное отношение к политике, только в части лоббирования собственных интересов и подкупа «слуг народа». Последняя категория с политикой дела не имела вовсе.

Это всех устраивало, и за год существования, благодаря связям Приходченко и мозгам Солнцевой, никому не известное агентство по организации связей с общественностью «Юнион» вошло в Москве в десятку лучших и заимело репутацию надежного и профессионального партнера.

Их PR-акции были грамотно спланированы и приносили неизменный успех, их пресс-конференции собирали вал журналистов и телевизионщиков, советы о том, что следует проспонсировать, а что осторожно обойти, неизменно служили укреплению репутации клиента.

Катерина понимала, что хорошо отлаженный механизм их работы разрушится полностью и окончательно, как только они возьмутся за водружение Тимофея Кольцова на губернаторский престол. Заниматься привычной и приносящей денежки текучкой будет некогда и некому. А эти денежки пусть небольшие, но стабильные, и на них вполне благополучно кормятся тридцать человек персонала, и упускать их жалко, да и суперклиент не один на белом свете. Выборы выборами, но они пройдут, и что останется?

Придется перекраивать все – структуру агентства в целом, состав отделов, нужно искать кого-то, кто заменит Катерину и Скворцова на скучных, ежедневных, требующих постоянного внимания и контроля делах.

Да и про переезд в Калининград на год Катерина вовсе не шутила. Еще очень свежи были в памяти минувшие президентские выборы, во время которых большую часть времени Катерина проводила в самолетах, а оставшуюся – в гостиницах, готовясь к съемкам президентских выступлений перед избирателями. Она тогда похудела на десять килограммов и очень хорошо заработала. Но начинать все заново, да еще когда вся ответственность на тебе, а кандидат – то ли бандит экстра-класса, то ли наладчик с сумасшедшим честолюбием и кучей денег, Катерине очень не хотелось.

И еще она понимала, что история получения заказа гораздо сложнее, чем обрисовал Приходченко – поиграли в теннис с замом, и он полюбил нас, как родных. Такие клиенты не падают с неба и не достаются «по случаю». Приходченко явно темнил, и Катерине это совсем не нравилось.

– Кать, договор-то подписан, так что давай начинай думать, – прервал затянувшееся молчание Саша Скворцов. – Чем быстрее ты придумаешь стратегию, тем легче нам будет жить.

– Нет уж, Сашенька, – сказала Катерина, поднимаясь и прихватывая со стола увесистую папку политического досье Тимофея Ильича Кольцова, – я пока домой поеду. А почему мы все вместе идем ему представляться? Я-то тут при чем? Я нормальная рабочая лошадь, мне знакомиться с ним ни к чему, я буду придумывать, как подать его получше, и, в общем, мне совершенно наплевать на то, как он выглядит. А больше мы ничего из этой встречи не извлечем, я точно вам говорю.

– И ты должна на него посмотреть. – Приходченко снял ноги с кресла и теперь рассматривал Катерину через канцелярскую лупу, невесть как попавшую к нему на стол. Его глаз при этом казался раз в шесть больше, чем на самом деле, а сам Приходченко напоминал персонаж из фильма об ученых-убийцах. – И он должен на тебя посмотреть, и все мы должны посмотреть друг на друга.

Катерина, усмехнувшись, пошла к двери, но остановилась, взявшись за ручку.

– Если б не моя чудовищная алчность и жажда наживы, я бы послала вас к черту вместе с вашим кандидатом. Но страсть к деньгам сильнее меня. Поэтому я постараюсь взять себя в руки и начать работать на него. Но заметьте, – она смешно подняла палец, цитируя какой-то фильм, – не я это предложила!

Дверь за ней закрылась. Приходченко бросил на стол идиотскую лупу и посмотрел на Скворцова.

– Она узнала о новом клиенте?

– Полчаса назад.

– Что-нибудь говорила?

– Ругалась. Он ей не нравится.

– Пусть понравится. На нее весь расчет. Она будет держать вас в курсе всех дел, только если его окружение будет ей доверять. Вы же говорили, что в отношениях с людьми ей нет равных.

– Так и есть.

– Так пусть она работает с его окружением как можно больше и как можно быстрее начинает. Если ее допустят непосредственно к нему, считайте, что мы выиграли.

– Ну, это вряд ли. Сами понимаете, подойти к нему близко очень трудно.

– Мы поможем. Если кто-то будет мешать, мы его спокойненько уберем, а ее надо по возможности продвинуть поближе. Хорошо бы в постель к нему пристроить.

– Я вам говорю, что он ей совсем не нравится! А она не проститутка и не нищенка, чтобы внезапно начать спать с деньгами! Так что выбросите это из головы – спать с ним она не станет.

– А что это вы так разгорячились? Сами небось не прочь? Или уже? Или жалко девочку, умницу и красавицу? Служенье муз не терпит суеты, милейший, а уж тем более служение политике. Так что действуйте, как договаривались, да смотрите, чтобы не мешал никто, особенно второй. И звоните, звоните чаще, держите нас в курсе! И не суетитесь, поспокойнее, без нервов, ей-богу!..

– Ладно, хоть бога-то всуе не поминайте…

В субботу Катерина встала поздно. Родители никогда не будили ее по выходным, зная, что, разбуженная раньше срока, Катерина будет все утро злиться и ныть, как надоедливая осенняя муха, готовая в любую минуту то ли укусить, то ли впасть в спячку. Поэтому когда она спускалась из своей «светелки», как называла второй этаж Марья Дмитриевна, ее мать, завтрак был уже давно съеден и забыт и родители садились во второй раз пить кофе.

Почему-то, во сколько бы Катерина ни встала, она всегда попадала именно к этому моменту и радовалась, как маленькая, упоительному запаху кофе, и зычному отцовскому басу, и клацанью собачьих когтей по деревянным полам, и легкому, интеллигентному перезвону чашек, взятых по случаю субботы и хорошего настроения из бабушкиного дрезденского сервиза.

Ах, как это было здорово – проснуться субботним сентябрьским утром на даче и смотреть, как, отражаясь от чего-то за окном, плещется на потолке жидкое пятно света – напоминание об уходящем лете, и как прижимается к стеклу разноцветная ветка клена, а за ней виден кусок неба, такого синего и осеннего, что оно кажется ненастоящим, и слушать, как внизу, на кухне, родители негромко переговариваются о чем-то, и отец очень старается говорить тихо, но все равно гудит гулким басом, как из бочки.

Когда-то он специально учился так говорить, чтобы было слышно во всей аудитории, до самого последнего ряда.

Шлепая босиком в ванную и ежась от радостного и прохладного ощущения гладкого деревянного пола под ногами, Катерина продумывала план на день.

– Есть ли у вас план, мистер Фикс? – спросила она свое отражение в зеркале, выдавливая на щетку зубную пасту. Катерина любила мультфильмы. – Да у меня

три плана!

Нужно будет дочитать до конца документальную эпопею под названием «Как я стал олигархом. Несколько эпизодов из жизни Тимофея Ильича Кольцова». Еще нужно помыть машину и хитростью и лестью заставить отца прочистить карбюратор – ее «девятка» уже с неделю упорно глохла в пробках, и Катеринины подозрения пали именно на карбюратор. Еще нужно изобразить что-нибудь необыкновенное на обед, к которому скорее всего приедут сестра Даша, зять Митя и племянница Санька.

Еще хорошо бы «познать самое себя», как называла моменты долгих дочкиных раздумий Марья Дмитриевна, и выстроить свое отношение к проблеме Тимофея Кольцова и работы на него.

Что-то странное было в том, как вчера вели себя начальники, как переглядывались и темнили. И решение они приняли без нее. Зачем? Она – доверенное лицо, третий человек в бизнесе, глупо думать, что они хотят ее обойти, им без нее не справиться. Тогда что?

– Катерина! – заорал снизу отец, радуясь возможности продемонстрировать свой необыкновенный бас. Очевидно, они услышали, как она шлепает по полу. – Кофе готов. Давай!

– Я даю! – закричала в ответ Катерина. – Умываюсь!

И совсем близко, у лестницы, раздался звучный голос матери:

– Почему в этой семье никто не может говорить потише?

В этой семье действительно никто не мог говорить тихо – все орали. И не по злобе душевной, а в силу темперамента и традиций. Митя, Дашин муж, долго не мог привыкнуть – ему казалось, что все Солнцевы вот-вот подерутся, а они даже не понимали, что его удивляет. Всю жизнь все они громко разговаривали, смеялись от души и от души же ругались. Правда, справедливости ради надо сказать, что ругались они редко. Сколько помнила себя Катерина, столько помнила бурные кухонные обсуждения каких-то научных проблем, которые

родители вели каждый вечер. Бабушка, нежнейшее, добрейшее, возвышенное создание, время от времени пыталась их урезонить – пожалейте детей, расскажите им за ужином про курочку Рябу или Спящую Красавицу.

А родители продолжали рассказывать о том, почему никогда не упадет Пизанская башня, какое сечение у пирамиды Хеопса, куда девались сокровища майя, от чего, собственно, отрекся Галилео Галилей и по какому принципу расположен каскад фонтанов в Петергофе.

Первого сентября на первом в своей жизни уроке Катерина прочитала букварь от титульного листа до фамилий корректоров и редакторов и со скуки затеяла драку с соседом.

Так началась для нее школа и так продолжалась все десять лет.

Воспитанная в обстановке абсолютной и безграничной свободы, при которой они с Дарьей всегда имели право на собственное мнение, неизменно уважавшееся и родителями, и бабушкой, Катерина не могла понять, почему после школы нужно непременно идти собирать макулатуру. Ведь все равно макулатура сгниет в сарае за школой! Это все знают… А времени нужно потратить массу.

Или зачем наизусть заучивать обязанности дневального по роте, когда понятно, что дневальными по роте им с сестрой не быть никогда.

И зачем читать глупые и плохие книги, да еще высасывать из пальца какие-то сверхидеи, когда можно читать умные и хорошие и из пальца ничего не высасывать?

Десять лет Катерина провела в легальной оппозиции к системе среднего образования. Родители делали все, чтобы поддержать ее с Дашкой и в то же время не дать их оппозиции превратиться в конфронтацию. Как-то они ухитрялись примирить и Катерину, и Дарью с действительностью без ущерба для их формирующегося «я» и нежных девичьих душ.

В один прекрасный день отец Дмитрий Степанович стал знаменитым. Катерина училась тогда в девятом классе, Дарья – в седьмом. Ему присудили Нобелевскую премию по физике, и он стал «ученым с мировым именем».

Его признали не только в мировом научном сообществе, но даже в школе, где учились его дочери. Раньше, до внезапно свалившейся славы, он был бесперспективный родитель – не директор гастронома и даже не заведующий складом стройматериалов. А тут вдруг выяснилось, что долгие годы весь педагогический коллектив просто-напросто подготавливал базу для встречи великого ученого и подрастающей смены. Отца стали приглашать в школу каждую неделю – рассказать о своих достижениях. Отец отговаривался тем, что косноязычен, и радостно извещал об этом директора или завуча в вежливых записках с отказом от очередного выступления.

– Слава меня испортит! – сообщал он Марье Дмитриевне, сочиняя «отказные» записки.

– Авось не испортит, – философски отвечала Марья Дмитриевна.

Теперь они много ездили по миру и вдвоем, и с барышнями, как начал называть дочерей отец, когда им стали звонить кавалеры.

К моменту поступления в институт Катерина уже в полной мере осознала всю чудовищность лжи, в которой жила ее страна в течение многих десятилетий.

И, как всегда, здравомыслие, логика и поддержка отца и эмоциональность, страстность и вера в человеческий разум матери помогли Катерине выбраться из капкана недоверия и неуважения к людям, так бессовестно лгавшим и готовым верить любой лжи снова и снова, лишь бы ни к чему не прикладывать усилий.

«Делай что должен, и будь что будет», – всегда повторял отец английскую поговорку. К двадцати восьми годам Катерина вполне прониклась величием этой поговорки и всегда старалась ей следовать.

Она обожала своих родителей и, посмеиваясь, на равных с ними, баловала, холила и лелеяла бабушку.

Бабушке стукнуло 84. Лето она проводила на даче и в Карловых Варах, а зиму в Москве, посещая музыкальные вечера в Пушкинском, консерваторию и сауну в компании с «девочками» ее возраста. Она была изящна, ухоженна, носила на левой руке бриллиантовое кольцо, зятя тридцать шесть лет называла на «вы»,

при этом виртуозно чистила селедку, никогда не отказывалась от стопки и курила «Мальборо-лайт».

Спустившись в кухню, Катерина обнаружила, что все давно перестали орать и степенно попивают кофе из бабушкиных чашек дрезденского фарфора.

Веселую деревянную кухню заливал желтый солнечный свет, и казалось, что лето бродит где-то поблизости.

Кузьма, громадный кавказец ее отца, с надеждой и умилением смотрел на оладьи, переминаясь за отцовским креслом. Кот Василий спал, свесив бока и лапы с бабушкиных колен, облаченных в теплую байковую пижаму. По его подрагивающим ушам Катерина поняла, что ситуацию он тем не менее контролирует полностью.

– Хелло! – поприветствовала всех Катерина на иностранный манер.

– Хелло! – отозвался отец.

Катерина подставила бабушке щеку, а мать неожиданно сказала:

– Как мне надоел этот зверинец в доме!

Посмотрев по сторонам, Катерина поняла, к чему это было сказано, – такса Вольфганг, или просто Ганя, или же Моня, потому что Вольфганг – Моцарт, забралась в кошачью миску, перевернула ее и с упоением вылизывала образовавшуюся на полу лужицу овсянки.

– Он всем надоел! – радостно поддержал жену Дмитрий Степанович. – Давай их всех завтра же сдадим на живодерню!

– Вас обоих на живодерню, – подала голос бабушка. – Уедете, а мы с Катериной корми всю скотину!

– Продержимся, бабушка! – успокоила ее Катерина, целуя мать. От гладкой розовой щеки пахло духами, кофе, ванилью – любимый, успокаивающий, очень родной запах. – Кстати, когда вы уезжаете?

– Через неделю, если все сложится, – ответила Марья Дмитриевна, наливая кофе. – Омлет поджарить?

– Омлет не изволю. Изволю йогурт, сыр и ветчину! – провозгласила Катерина.

Бабушка поморщилась:

– Хоть ты не ори, – велела она. – Марию уже не перевоспитаешь, Дима давным-давно испортил ее окончательно, а тебе вполне можно последить за собой.

Отец оглушительно захохотал, мать дала ему шутливый подзатыльник, в общем шуме Кузьма ухватил у отца с тарелки оладью и заглотил ее одним движением. После чего виновато задвинул зад подальше за кресло.

– Ты чего вчера явилась так поздно? – спросила мать, когда улеглась суматоха. Она боком сидела у стола, в любой момент готовая вскочить и броситься ухаживать за семейством, – элегантная, высоченная, лишь чуть ниже отца, стильно причесанная, в джинсах и свитере. Всю жизнь Катерина гордилась, что у нее такая мать.

– Ой, у нас новый клиент. – Катерине хотелось рассказать все родителям. Их мнению она безоговорочно доверяла. – Догадайтесь, кто?

– Березовский, – предположил отец.

– Билл Клинтон, – сказала бабушка, любившая американского президента.

– Сама ты Билл Клинтон, – разуверила бабушку Катерина. – Тимофей Кольцов, вот кто.

– Весьма солидно, – заявила мать, наливая себе еще кофе и подвигая бабушке пепельницу. – А что с ним нужно делать?

– В губернаторы продвигать, а потом в президенты.

– России? – уточнила мать.

– Нет, Швейцарской Конфедерации, – разъяснила Катерина.

– Разве вы умеете это делать? – спросила мать. – По-моему, это полное безумие. Или твой Приходченко считает, что под такое дело он наймет профессионалов?

– Мой Приходченко считает, что самый лучший профессионал – я, – усмехнулась Катерина, прихлебывая из чашки.

– Но ведь ты не занималась политическим пиаром, – вступил отец. – Или вам кажется, что это очень просто?

– Нет, мне лично кажется, что это, как выражается мама, полное безумие, но они уже подписали контракт и горды собой невероятно. Они считают, что, раз я хорошо придумала стратегию для пивоваренного завода, значит, мне ничего не стоит придумать стратегию для будущего президента.

– Объясни им, что ты этого не умеешь, – посоветовала мать, – или попадешь впросак. Не будь, как мои студенты. Они для того, чтобы их взяли работать за границу, придумывают про себя бог весть что, а потом, когда их через месяц отовсюду увольняют, звонят и плачут, что им не на что улететь в Москву.

– А она им отправляет деньги, – доверительно сообщил Катерине отец.

– Ну и что же? – Марья Дмитриевна пожала безупречными плечами под кашемировым английским свитером. – Человеку всегда нужно предоставить второй шанс, особенно если человек молод, а у тебя есть такая возможность.

– Ну а мне второй шанс никто не предоставит, – заявила Катерина, не давая семейству увести себя от темы. – Я понимаю, что если кампания провалится, то провалю ее именно я, а не Олег и не Скворцов. То есть, конечно, перед всемогущим Котом Тимофеем не я буду отвечать, но будет подразумеваться, что грош мне цена.

– Глупости какие! – громко воскликнул отец, незаметно скармливая под столом Кузьме еще одну оладью. – Если ты не знаешь, что делать, значит, нужно сразу сказать, и соответственно, или не браться, или быстро научиться.

– Дим, не корми собаку со стола, – заметила мать с досадой, – они и так у нас избаловались до невозможности. Спят где хотят, едят что хотят и где хотят. Катька с бабушкой с ними не справятся.

– А мы Вольфганга с собой возьмем, – предложил отец.

– Лучше уж тогда возьмем бабушку с Катериной, а эти пусть тут как знают, – улыбнулась мать и внезапно поцеловала отца в ухо. – Заодно Катьке не нужно будет стратегий придумывать.

Они вдвоем уезжали в Англию, в Кембридж, где отец руководил лабораторией, а мать читала лекции по физике. Обычно они отсутствовали месяца по два, иногда по три. Время от времени Катерина летала к ним погостить и однажды свозила бабушку. Страна бабушке понравилась, а кухня и англичанки – нет. «И то, и другое одинаково убогое», – заключила она тогда.

– Однажды я его видел, – задумчиво произнес отец.

– Кого? – не поняла Катерина.

– Кольцова.

– Пап, его в этой стране хоть раз в жизни видел, наверное, каждый. Его каждый день по телевизору показывают.

– Я имею в виду – живьем, – улыбнулся отец, – в прошлом году, в Париже. Мы прилетели на конференцию и жили в этом шикарном отеле, который почти на площади Конкорд. Я забыл, как он называется…

– «Георг Пятый», – подсказала мать.

– Точно! Вот мы жили в этом «Георге» и однажды столкнулись с Кольцовым в вестибюле. Он вышел откуда-то, из лифта, что ли, а мы ждали сопровождающего из Сорбонны. Я даже запомнил, что он остановился возле нас вместе со всей своей охранной сворой, потому что у него мобильный зазвонил. Он совершенно ужасный, это я точно запомнил. Больше ничего не запомнил, а что ужасный – помню.

– Ты меня просто утешаешь, пап, – пробормотала Катерина.

– Не знаю, по-моему, пытаться определить его в губернаторы – дело гиблое, – продолжал отец задумчиво. – Он весь такой… закомплексованный, что ли. Людей боится, в глаза не смотрит. Да и внешность у него, прямо скажем, специфическая.

– Это его люди боятся, – сказала Катерина, допивая кофе. – А в глаза не смотрит, чтоб никто ничего вдруг не попросил. А внешность можно любую изобразить, ты ж понимаешь.

– Дима прав, – вступила бабушка. – Вера Владимировна считает, что у всех нынешних политиков физиономии уголовных преступников, а народ таких не любит.

Вера Владимировна была одной из бабушкиных «девочек», посещавших сауну. Ее муж когда-то работал в ЦК и лично знал коменданта Кремля, а потому Вера Владимировна считалась непревзойденным авторитетом в области политики.

– И все-таки вы бы прежде подумали, – посоветовала мать, – может, и не стоит связываться…

– Мам, за меня уже подумали и связались. – Катерина начала раздражаться потому, что все, включая бабушку, были правы. – Мне остается только вывернуться наизнанку, а процесс запустить. Кстати, в понедельник меня везут представляться.

– Не злись, Катька, – посоветовал отец. – Просто мы за тебя болеем.

Катерина улыбнулась:

– Вы – отличные болельщики! Пап, если тебе нечем заняться, посмотри мой карбюратор, а? А то вы уедете, и я с ним вообще не справлюсь.

Отец согласился с неожиданным энтузиазмом, а Марья Дмитриевна пояснила:

– Ему доклад писать, а он отлынивает. Карбюратор все лучше доклада, а, Дим?! – прокричала она ему вслед.

– Проницательная ты моя! – пробасил с крыльца отец, и его ножищи с шумом протопали под окном террасы.

– Столовая закрыта до обеда, – объявила Марья Дмитриевна собакам и коту. – Выметайтесь все. Мам, ты на улицу?

– Конечно. Грех такой день в доме просидеть. – Бабушка величественно поднялась и переложила кота, бессильно свесившего ноги и хвост, в ближайшее кресло.

– Мам, обед сегодня я готовлю, – заявила Катерина, – а до обеда я должна дочитать его досье и подумать.

Она надела джинсы, шерстяные носки и огромный свитер и устроилась в гамаке под соснами. Откусывая от большого яблока, которое положила ей на колени проходившая мимо Марья Дмитриевна, Катерина некоторое время читала, а потом закрыла папку и принялась думать, мечтательно уставившись в невообразимо синее небо.

Ничего сверхъестественного в досье не было. Обычный путь обычного начинающего политика средней руки. Он был депутатом от Калининграда, а в депутаты стремились все, кому нужно прикрытие для различных махинаций или стартовая площадка для дальнейших свершений на благо отечества.

Катерина не слишком поняла, зачем вообще его понесло в политику. Прикрываться ему явно было незачем, он и так прекрасно себя чувствовал и в Калининграде, и в Москве. Людям, достигшим в бизнесе его уровня, как правило, не нужны должности для развязывания рук или поддержания статуса. Таких, как Тимофей Кольцов, во всей державе насчитывалось человек десять. Их и так все знали, без должностей. Как раз должностей подчас не знали, а физиономию по телевизору узнавали неизменно.

На первый взгляд стремление Тимофея Кольцова осчастливить политический Олимп своим присутствием можно было объяснить несколькими причинами. Первая, и самая правдоподобная, – сумасшедшее честолюбие мальчика с

окраины, решившего завоевать мир.

Вторая, не менее правдоподобная, – ни в какие губернаторы и президенты Тимофей Кольцов не стремится, просто ему нужно отмыть очередные «черные» деньги, которых, очевидно, слишком много, чтобы отмыть их более удобным путем.

Третья, совсем неправдоподобная, но возможная, – Тимофей Кольцов просто не отдает себе отчета в затеянном, а окружение боится ему возражать или не возражает специально, выискивая для себя какие-то выгоды из стремления босса прыгнуть выше головы.

Можно было сочинить еще десяток версий, но Катерина не стала утруждаться, понимая, что все равно промахнется – информации явно недостаточно.

В голубом просторе над головой величественно шумели сосны, казавшиеся очень высокими устроившейся в гамаке Катерине. Ноги в шерстяных носках начали подмерзать, а она все сидела и лениво думала, что информацию придется добывать самостоятельно, не полагаясь ни на какие официальные досье. Значит, Миша Гордеев и Саша Андреев поедут в прибалтийский город Калининград и будут рыть землю, выискивая слухи и сплетни, заводя дружбу с местной милицией, втираясь в доверие к бывшим друзьям, женам, замам, покупая старые архивы и воруя свежую информацию. Вот тому досье, что привезут в конце концов Саша с Мишей, Катерина будет доверять полностью и только на нем построит свои знаменитые стратегии. И только тогда она сможет точно сказать, что получили ее прыткие начальники – золотые прииски или самые крупные неприятности в своей жизни.

О третьей возможности она тогда не подозревала, и, если бы даже ей удалось разглядеть ее в голубом осеннем небе сквозь сизые от солнца сосновые ветви, она ни за что не поверила бы, что это случится.

Для Тимофея Ильича Кольцова понедельник начался в четыре часа утра. Он проснулся мгновенно, как просыпался всегда, когда ему снились кошмары. Он открыл глаза и через секунду, осознав себя вне сна, испытал приступ острого, безудержного счастья.

Ему удалось выбраться. Он жив и здоров, он сам себе хозяин, поэтому сейчас он встанет и пойдет в душ, и будет пить кофе и сидеть в тишине и тепле своей собственной кухни столько, сколько захочет. Ему не страшны никакие сны – он их победил, и они не затянут его обратно. Они снились ему все реже и реже. А ведь было время, когда он почти не мог спать. Стоило ему закрыть глаза, и они приходили.

Крепко зажмурившись, чтобы – не дай бог! – не увидеть себя в зеркале, он вытер кулаком мокрые щеки. Он все еще плакал во сне. Он справится с этим, и никто никогда ничего не узнает. Он повторял это как заклинание, как молитву, как пароль, дающий ему право на выход из гиблого ночного мира, в котором он увязал. В котором он не мог сопротивляться.

Никто. Никогда. Ничего. Не узнает.

Тимофей рывком поднял себя из глубин суперудобного водяного матраса и пошел в ванную. После ночных визитов персонального, только к нему приставленного дьявола Тимофей как будто заново прилаживал свой дух к большому, неповоротливому, мокрому от страха телу. Он загнал себя под душ и долго стоял, закинув голову и закрыв глаза, под напором целого снопа яростных водяных струй. Очень холодные и острые, они жалили лицо и тело, буравили кожу, раскидывали мокрые волосы на голове – и Тимофей приходил в себя.

Через несколько минут он понял, что можно уже открыть глаза. По опыту он знал, что их нельзя открывать раньше, чем дьявол окончательно отпустит его, – до следующего ночного визита. И нельзя раньше времени смотреть на себя в зеркало.

Тимофей открыл глаза. Прямо перед ним была золоченая розетка душа, из которой, пенясь, летела ему в лицо белая злая вода. Он давно уже изучил черный мрамор потолка и золотую насадку до мельчайших подробностей и теперь смотрел внимательно, удостоверяясь, что ничего не изменилось, и оттягивая момент, когда нужно будет посмотреть на себя в зеркало. Он боялся этого момента и ненавидел его. Презирая себя за трусость, он еще некоторое время постоял спиной к зеркальной стене. А потом решительно повернулся.

Из влажной банной глубины проклятого стекла на него смотрел больной мрачный мужчина сорока с лишним лет. У мужчины было тяжелое, совсем не

спортивное тело и глаза человека, страдающего тяжким психическим недугом. Дьявол еще не успел далеко уйти – глаза выдавали его близкое присутствие. Он знал, что через полчаса дьявол скроется в своей преисподней как раз до следующего визита, и у него будет несколько дней передышки. И глаза станут похожи на человеческие.

Он еще раз осторожно посмотрел на себя. Ничего. Обошлось.

Он выключил воду и пригладил назад короткие мокрые волосы. По обыкновению, кое-как обтерся громадным толстым и теплым полотенцем, которое всегда грелось справа от него. Вешая полотенце, он окинул взглядом свою ванную и усмехнулся, осторожно радуясь, что уже может усмехаться.

Ванную оформляла Диана. В ней были черные полы и потолки, зеркальные стены и двери, золотые краны и трубы, немыслимый тропический цветок в экзотическом горшке и белый пушистый пуфик для педикюра. «Надо же – педикюра!» – это слово почему-то всегда чрезвычайно веселило Тимофея и напоминало какие-то европейские курорты, которых объезжено было десятки, и стриженных под пуделей престарелых красавиц.

Представление о богатстве у его жены ассоциировалось почему-то с обилием зеркал. Он не возражал. Он никогда не возражал. Ему было все равно.

Через десять минут кофе уже славно булькал в кофеварке, а Тимофей сидел, вытянув облаченные в джинсы ноги и прислонившись затылком к прохладной стене. Ему нужно было еще с полчаса, чтобы прийти в себя. Через полчаса он сможет работать и превратится в того Тимофея Кольцова, которого знают все. Он был рад, что деньги вполне позволяют ему иметь жизненное пространство такого размера, что почти не приходится пересекаться с женой. Ее присутствия рядом он бы не вынес. Да и ей от его присутствия радости мало.

Тимофей отлично представлял себе, какое впечатление он производит на людей. Он давно раскусил их всех и знал, как ими управлять. Он знал наперечет все их слабости и страхи, их мелочность и эгоизм. Он знал, на чем стоит играть, а что приберечь за пазухой для последнего удара. Не было случая, чтобы он рассчитал неправильно, ошибся и отпустил жертву целой и невредимой. Он гнул их, ломал, топтал и заставлял действовать в собственных интересах. Слабых он заглатывал не жуя, а сильных выплевывал в непригодном к употреблению состоянии.

Еще он отлично умел их организовать для нужной ему работы. Он контролировал подчиненных с мелочностью надоедливого комара и кровожадностью акулы. Он знал все обо всех и никому ничего не спускал. Он до отвала кормил их, и ближних, и дальних, – о зарплатах на его заводах по России ходили легенды – и требовал, требовал, как одержимый. Впрочем, он и был одержимый. Ближайшее окружение знало о нем ничуть не больше, чем начальник цеха самой последней его верфи. Он ни с кем не дружил, никого не любил и никому не доверял. Журналисты боялись и недолюбливали его за пренебрежение, граничащее с хамством, – он знал, что общаться с прессой не умеет, а учиться ему было некогда и недосуг, поэтому он выбрал такой тон, что самые наглые и закаленные журналисты терялись. Ему все сходило с рук, потому что за него горой стояли люди, работающие на его производствах, а остальных он не замечал. Он управлял своей державой с ловкостью латиноамериканского диктатора и был уверен, что размер державы для него уже не имеет значения. Хотя бы и… сколько там она?.. одна шестая часть суши.

Он не был честолюбив в прямом смысле этого слова. Но пребывал в абсолютной уверенности, что, если будет работать по двадцать часов в сутки, у его личного дьявола не останется никаких шансов.

В восемь часов он сделал первый за этот день звонок. В восемь тридцать он уехал на работу, даже не вспомнив о том, что жена так и не вышла его проводить.

Встреча была назначена на пять часов, а к трем в агентстве «Юнион» началась тихая паника. С утра все уже поняли – что-то происходит. Солнцева сидела в кабинете у Приходченко с десяти часов. Скворцов, приехавший, по своему обыкновению, позже всех, тоже сразу отправился туда. Даже разделся прямо в приемной генерального. Секретарша Ира знала по опыту, что это очень плохой признак. Без остановки они пили кофе и курили, хотя, как правило, Приходченко не любил, когда чужие курят в его кабинете, да еще так много. Явно происходило что-то непонятное и оттого пугающее.

В середине дня слухи о новом, невиданном заказе просочились из района приемной генерального, и предположения высказывались одно другого невероятней. Самая близкая к Катерине сотрудница Людочка Кулагина, прозванная, естественно, Милочкой, утверждала, что они теперь «будут делать рекламу самому Чубайсу». Саша Андреев и Миша Гордеев, великие сборщики

информации, осторожно помалкивали и многозначительно переглядывались. Большинство остальных шатались по кабинетам в надежде выудить информацию или услышать что-нибудь, что можно будет как-нибудь истолковать. В общем, никто не работал.

Из «Коммерсанта» позвонил знакомый журналист и спросил, правда ли, что они заключили договор с Газпромом, после чего шушуканье усилилось раз в десять.

Все сотрудники не слишком большого, но вполне процветающего агентства по связям с общественностью «Юнион» понимали, что новые заказчики, пожелавшие сделать себе «общественное лицо», – это работа, зарплата, стабильность и надежды на спокойное будущее. Большинство сотрудников перешли сюда вслед за Приходченко из умирающего ТАСС, и второй раз проходить через смерть целой структуры, в которой все так или иначе работали и были объединены хотя бы видимостью общего дела, никому не хотелось. Поэтому за «Юнион» болели все, и даже не слишком трудолюбивые сотрудники. С другой стороны, новые заказы – это всегда нервотрепка, недовольство начальства медленно соображающими подчиненными, работа по вечерам и выходным, командировки, выяснение отношений… То ли дело, когда работа идет по накатанным рельсам, телефон почти не звонит, рядом закипает чайник, а в компьютере новая космическая игрушка!

В два часа Приходченко объявил через секретаршу, что в семь будет собрание, и попросил никого не расходиться. В четыре все имеющиеся в «Юнионе» начальники – Приходченко, Скворцов и Солнцева – отбыли на приходченковском «Вольво» в неизвестном направлении.

Шофер Гриша Иванников смерть как хотел послушать, из-за чего весь сыр-бор, но все трое молчали. Как обычно, шофер Гриша был самый осведомленный человек в конторе. Он знал о начальнике все. Где был, во сколько ушел, что ел и сколько пил. Любопытные Гришины уши слышали очень много, но умная Гришина голова держала рот на замке. Приходченко доверял Грише целиком и полностью, и тот доверие оправдывал. Правда, иногда Олег все же ездил один, без шофера. Не так уж часто, но вполне достаточно для того, чтобы какая-то часть его жизни оставалась для Гриши неизвестной. Гриша, как и все остальные, про нового клиента уже прослышал и мечтал первым узнать, кто это.

– Все-таки это ерунда какая-то, – вдруг сказала с заднего сиденья Солнцева, – мы не вытянем политическую кампанию. Мы только потеряем репутацию и

вообще останемся на бобах. Черт, ну почему вы так хотите его денег!

– Потому что их очень много, – равнодушно ответил Скворцов, глядя в газету. Гриша еще двадцать минут назад в зеркало заднего вида заметил, что страницы Скворцов не переворачивает.

– Потребуется хорошо продуманная PR-кампания, – себе под нос, как будто безмерно устав повторять одно и то же, сказал Приходченко.

– Да не поможет никакая PR-кампания. – Катерина тоже говорила без напора, как по необходимости. Гриша ее такой и не видел никогда. – Разве вы не понимаете? Человек с таким отрицательным обаянием не может быть политиком. Он едва говорит. Нам нужно просто море информации, чтобы хоть представить себе, как лучше его подать, на чем играть, что предлагать людям в обмен на то, что они за него проголосуют. Я имею в виду образ … кого? Друга? Брата? Родного отца? Заботливого хозяина? Он разве на них похож? На кого он похож, так это на мешок с отрубями? И где мы возьмем информацию? Вряд ли нам ее дадут, а Гордеев с Андреевым будут ее год собирать!

Приходченко перебил:

– Если Андреев с Гордеевым будут собирать год, значит, ты их уволишь и наймешь Иванова с Петровым, которые ее соберут за три месяца. И все, хватит. Закрой рот и думай, как произвести хорошее впечатление. Я больше ничего не хочу слышать о сложностях, подстерегающих нас на тернистом жизненном пути. Я хочу конструктивных предложений – что мы будем делать и когда. А для начала перестань дергаться и дергать нас.

Это был суровый выговор. Приходченко, как правило, Катерину щадил, понимая, что ее тонкая натура нуждается в осторожном обращении. Он никогда не делал ей замечаний прилюдно, оставляя за Сашей полное право ругаться с ней где угодно и когда угодно. Катерина посмотрела на него с изумлением, кивнула пренебрежительно, снизу вверх, и молчала до самой Ильинки, где находился офис Тимофея Ильича Кольцова.

Гриша очень ей сочувствовал. Несколько раз он пытался поймать в зеркале ее взгляд, чтобы подмигнуть с утешением, но она смотрела в окно, сжав на коленях аристократические руки. Гриша ловко припарковался на крошечном свободном

асфальтовом пятачке и помчался открывать ей дверь, но и тут ему не повезло – она выбралась раньше и, натягивая перчатки, рассматривала офис, к которому они подъехали.

Небожитель обитал в дореволюционном пятиэтажном доме, надежно и тяжеловесно разместившемся между Верховным судом и Минфином. Скромная табличка с гравировкой – черное на золоте – извещала о том, что здесь, помимо всего прочего, находится представительство судостроительной компании «Янтарь».

В сдержанном и каком-то очень официальном сиянии ламп, деревянных панелей, медных ручек и мраморных полов чувствовался заграничный лоск, русский шик и запах очень больших денег.

Такие интерьеры вызывали у Катерины стопроцентно срабатывающий рефлекс: она задрала подбородок, расправила плечи и вообще «присобралась», как называла это ее бабушка.

Высокий охранник с неожиданно приветливым лицом проводил их до лифта, пообещав, что на третьем этаже их встретят. Лифт негромко тренькнул, приглашая в свою малиновую кожаную глубину, и двери закрылись.

– Интересно, он нас все-таки примет? – спросил Скворцов. Катерина только взглянула, Приходченко пожал плечами, и Катерина не утерпела:

– Хорошо если нас зам примет. Господи, вы не понимаете, с кем вы связались!

– Зато ты у нас все понимаешь! – отрезал Приходченко сердито.

Лифт остановился на третьем этаже, двери бесшумно разошлись в стороны, и они увидели элегантного юношу с элегантной папкой в руках.

– Добрый день, господа! – со сдержанным достоинством, как и подобает особе, приближенной к императору, поприветствовал их молодой человек. – Пожалуйста, проходите.

Гуськом они проследовали за вежливым молодым человеком в необъятную золотисто-бежевую приемную с окнами от пола до потолка, за которыми бесшумно и неутомительно для глаз жила своей жизнью Ильинка, центр московской деловой жизни, сияя чистыми стеклами офисов и разноцветным буйством осенних кленов.

В приемной повелевала и правила энергичная дама лет пятидесяти с молодым лицом и седыми волосами.

– Господа Приходченко, Скворцов и госпожа Солнцева? – уточнила она. Голос у нее был негромкий и сдержанный. Катерина внезапно удивилась умению Кольцова окружать себя истинными драгоценностями. Эта седовласая дама принадлежала к ним, и картины на стенах, если только ее не подводит зрение, – вполне подлинный Ренуар. Интересно, что у него за дизайнер, который сочетает бежевое с золотистым и еще дополняет это ярким, брызжущим светом Ренуаром?

– Тимофей Ильич примет вас через три минуты, может быть, присядете?

Присесть все отказались. Невозможно садиться в низкие разлапистые кресла – колени непременно оказываются выше ушей, и, когда наконец говорят «проходите», очень трудно выковырять себя из мягкой засасывающей оболочки. Катерина усвоила это еще в начале карьеры и с тех пор никогда в приемных не садилась.

Молодой человек, встретивший их у лифта, вынырнул откуда-то сбоку и неожиданно поинтересовался:

– Господа, я прошу прощения. У вас нет с собой съемочной аппаратуры или оружия?

– Нет, – сказал за всех удивленный Приходченко. Он знал, что служба безопасности Тимофея Ильича Кольцова сто раз проверила благонадежность их фирмы, их родственников, их друзей, друзей родственников и родственников друзей, прежде чем зам Кольцова Игорь Абдрашидзе подписал с ними договор. Вопрос был детский и унизительный, проверка на вшивость, как говорил одиннадцатилетний сын Приходченко.

– У меня есть газовый баллончик, – подумав, сообщила Катерина голосом первой ученицы, – он у меня всегда с собой, когда я еду на дачу. Газовый баллончик вам подойдет?

Элегантный молодой человек пришел в некоторое замешательство, и Приходченко стало смешно – Катерина и здесь, в этой немыслимой приемной, проявляла характер.

– Вы не могли бы… гм… – откашлялся молодой человек, – отдать баллончик мне?

– Конечно, – с готовностью согласилась Катерина и полезла в портфель. – А для чего вам мой баллончик? Вы отправляетесь на задание? – спросила она, не переставая рыться в портфеле.

– Я… гм… отвечаю за безопасность в офисе, – пробормотал молодой человек, чувствуя, что теряет контроль над ситуацией. Приходченко стиснул кулак – Катерина производила в портфеле серьезные изыскательские работы. Внутри что-то гремело, перекатывалось, звенело и шуршало.

– А вдруг вы не сумеете меня защитить, если я отдам вам баллончик? – Она наконец добыла его из недр портфеля и протянула молодому человеку, глядя очень серьезно. Приходченко услышал, как Скворцов едва слышно пробормотал: «Идиотка».

– Для меня очень важна безопасность, – продолжала разъяснения Катерина. – Я за всеобщую безопасность! На улицах, на дорогах, в домах и в…

Очень низкий, какой-то воландовский голос перебил ее:

– Я обеспечу вам любой уровень безопасности, если пожелаете.

Медленно, как в кино, все повернулись к распахнутой дубовой двери, ведущей в Логово Смелого Льва, как моментально придумалось Катерине.

– Добрый день, господа, – сказал Тимофей Ильич Кольцов. – Дима, верните баллончик.

Катерина была уверена, что настал ее смертный час. Она мгновенно поняла, что он видел всю разыгранную ею маленькую сценку. Видел – и оставался в дверях, видел – и молчал. И секретарша видела, что он видит, и молчала. Щеки у обычно бледной Катерины стали пунцовыми. Она редко краснела, но если уж краснела, то ужасно – до глаз, до шеи, – и потом долго не возвращалась в свое обычное бледное состояние. Во взгляде Саши Скворцова она прочла обещание медленной и мучительной смерти и знала, что она ее заслужила.

Специалист по безопасности офисов Дима медленно, как под гипнозом, протянул Катерине злосчастный баллончик, и Тимофей Ильич счел, очевидно, инцидент исчерпанным.

– Добрый день, господа, – произнес он своим немыслимым голосом, – проходите.

В бежевых глубинах кабинета за спиной Кольцова маячил Игорь Абдрашидзе. Катерина знала его по фотографиям. И еще какие-то люди, которых Катерина с первого взгляда не узнала. И все они из-за спины шефа наблюдали всю историю с баллончиком. Господи, думала Катерина, помоги мне! Неотрывно глядя в спину Тимофея Ильича Кольцова, Катерина вошла в святая святых, то самое Логово Смелого Льва. По пятам за ней следовали оба начальника. Дубовая дверь закрылась, отрезая путь к отступлению. Приходченко и Абдрашидзе обменялись рукопожатиями, и всех быстро и скомканно представили друг другу и самому Смелому Льву. Напряжение нарастало, и совсем некстати Катерина вдруг вспомнила, как однажды прочитала, что за встречу с Тимофеем Кольцовым бизнесмены платят его окружению сумасшедшие взятки.

Кольцов поместился в кресло по одну сторону громадного овального стола, справа от него сел Абдрашидзе, а слева элегантная леди, назвавшаяся Юлией Духовой, и нервный мужчина неопределенного возраста в двухсотдолларовых очках и широкой золотой цепочкой на волосатом запястье. Мужчину звали Михаил Терентьев, и в глухие, довыборные времена он подвизался на ниве журналистики – писал в «Коммерсанте» обширные экономические обзоры. В те времена цепочек он не носил и с Катериной был мил и любезен. Нынче же, может, оттого, что слабы были линзы в двухсотдолларовых очках, а может, по какой иной причине, Катерину он не узнавал.

– Времени у всех мало, – начал Кольцов. Катерина поняла, что одно очко в его пользу уже есть: его голос, не искаженный телекамерой и микрофоном, был и вправду так хорош, как показалось ей с перепугу, – очень низкий, как будто

тяжелый, он подходил Тимофею Кольцову идеально.

– Игорь Вахтангович проинформировал меня о вашей компании. Против договора я не возражал. В отличие от своей… – он неторопливо поискал слово, – пресс-службы я считаю, что это даже хорошо, что у вас нет опыта проведения предвыборных мероприятий. Свежие идеи, это так называется? – Он взглянул на Абдрашидзе. Зам кивнул коротко, но с уважением. Высший пилотаж, подумала Катерина. Научиться так кивать, чтобы себя не унизить и начальству польстить, – это дорогого стоит.

– Свежие идеи – это то, что нам необходимо. И с этим в конце концов все согласились.

«Трудно себе представить, что было бы, если бы все в конце концов не согласились», – стремительно подумала Катерина, а не соглашалась, очевидно, Юлия Духова, представившаяся пресс-секретарем, и Михаил Терентьев, представившийся невразумительно. Они возражали, а Абдрашидзе настаивал.

– Выборы губернатора Калининградской области, на которых мы должны победить, состоятся в будущем сентябре, – энергично заговорил Абдрашидзе, выделяя слово «мы». – Основной соперник – действующий губернатор. Все остальные далеко позади и даже за год вряд ли к нему приблизятся. Конечно, все нужно смотреть, и прессу, и статистику, но в данный момент мы оцениваем ситуацию так. Мы считаем, что активную кампанию нужно начинать уже сейчас. Под активной кампанией мы понимаем крупные мероприятия по связям с общественностью, которые к лету войдут в полную силу и дадут нам возможность набрать необходимое число голосов. Мы считаем, вернее, так считают наши аналитики, – уточнил Абдрашидзе, – что второго тура не избежать. Нынешнего губернатора поддерживают моряки, «челноки» разного уровня, которым он облегчил въезд-выезд в Польшу и Литву. За нас – промышленные предприятия, женщины, чьи мужья работают на верфях и на «Янтаре». По-разному дела обстоят со студентами и военными. Их нужно привлечь на свою сторону, и это одна из ваших задач. А самое главное, что от вас требуется, – это продумать и организовать мероприятия, в которых мы будем участвовать и которые будут максимально полно работать на имидж Тимофея Ильича. Главное лицо для всевозможных согласований – Юлия Павловна. Она всегда в курсе всех дел, она согласовывает с Тимофеем Ильичом рабочий график, у нее собирается вся информация.

«Замечательно, – подумала Катерина, – Абдрашидзе перевел все стрелки на человека, который нас вообще не хотел. Естественно, каждому из них интересней, чтобы этим занимались свои – и доверия больше, и денежки «из семьи» не уходят. Она бы договорчик с кем-нибудь из своих подписала и в карман денежку положила, за протекцию. А тут Абдрашидзе вперед успел и денежку с Приходченко взял, но положил в свой карман, а не Юлин. А теперь, как начальник, подсовывает ей нас и говорит – сотрудничайте! Вот радость-то ей великая…»

– Юлия Павловна, вам слово, – закончил Абдрашидзе.

У Юлии Духовой была идеальная для пресс-секретаря внешность. Элегантная, представительная, молодая и в меру демократичная, чтобы нравиться не только завсегдатаям политических тусовок в Швейцарии, но и рабочим с завода «Янтарь». Говорила она мягко и доверительно, как с хорошими друзьями. «Очень профессионально, – решила Катерина. – Интересно, Кольцов с ней спит?»

– У нас есть уже составленный график обязательных мероприятий, которые нужно провести до Нового года. Я думаю, мы вам его передадим в рабочем порядке, как и любые другие информационные материалы. Наш главный принцип – мы идем на выборы с открытым лицом, с поднятым забралом. Мы не хотим ничего скрывать, утаивать, недоговаривать. Мы готовы делиться любой информацией и отвечать на любые вопросы. Мы считаем, что такая концепция ляжет в основу всей предвыборной кампании.

«Вот уж основа так основа. – Катерина даже на Приходченко взглянула, но он смотрел только на ту сторону стола, как умный пес, ждущий похвалы или неодобрения хозяина. – Нет ничего более неподходящего Тимофею Кольцову, чем это «открытое лицо«. О нем никому ничего не известно, даже пресс-досье за последние несколько лет ничего не проясняет. Мрачный, хмурый, несимпатичный, очень богатый человек. На черта людям его открытое лицо? Еще обещания с него какие-нибудь содрать – ладно, хотя может и не выполнить, – вон какая рожа бандитская, а смотреть, что у него там, за поднятым забралом, охотников мало найдется». С Катерининой точки зрения, это было совершенно очевидно, но с точки зрения предвыборного штаба Тимофея Кольцова поднятое забрало как раз тянуло на основу избирательной кампании.

– Контактами с журналистами занимается Михаил. Они у него везде свои, и в Москве, и на месте. Наверное, по мере приближения выборов нам придется объединить усилия и сотрудников где-нибудь под одной крышей, – Юлия дружески улыбнулась, – но это уже такие вопросы, которые мы вполне сможем обсудить позднее, чтобы не слишком загружать Тимофея Ильича.

Абдрашидзе глянул на неподвижного Кольцова и обратился к Приходченко:

– Олег, ваша очередь.

– Мы очень рады возможности работать с вами, – бойко начал тот, и было непонятно, к кому он обращается – к Кольцову или Абдрашидзе. – Мы сделаем все возможное для того, чтобы…

Катерина знала, что встреча затевалась в протокольных целях – одна сторона должна была увидеть и услышать другую. Поэтому вникать в каждое слово Олега Приходченко не имело никакого смысла – ничего важного или дельного, кроме выражения готовности служить верой и правдой, он все равно не скажет. Зато можно было изучить Тимофея Кольцова.

У него был странный взгляд. Безразличный. Ну, это понятно. Ему совершенно неинтересна эта пустая встреча, и эти люди, с другой стороны стола. Он забудет их в ту же секунду, как за ними закроется дверь. Но взгляд у промышленного магната был не только безразличный. Он смотрел в окно над правым ухом Приходченко так, как смотрит слепой – смотрит и не видит. Тимофей Кольцов не просто думает о своем, поняла Катерина, он что-то внимательно изучает внутри себя. Анализирует. Осмысливает. Рассматривает, бесстрастно и придирчиво. Узнать бы что… И задача облегчится в сотню раз. Понять бы, как он думает, что скрывает, зачем ему вся эта канитель.

У него было грубое лицо с резкими чертами – непривлекательное, но очень мужское. Очки смотрелись на нем ужасно. Он был очень большой – на голову выше ста семидесяти восьми сантиметров Катерины Солнцевой. Похож на медведя – неповоротливый и занимающий очень много места. Идеально скроенный костюм скрывал его явную неуклюжесть. Лишний вес делал его старше. Модная нынче меж политиков и журналистов харизма даже близко не подступала к рвущемуся в цари Тимофею Кольцову. «Кто тут в цари крайний? – вспомнила Катерина. – Никого? Ну, тогда я первый!»

Усмехнувшись некстати пришедшему воспоминанию о бедолаге из очередного мультфильма, Катерина быстро опустила глаза и незаметно вытерла о юбку влажную ладонь. Потрясение от того, что клиент застукал ее в тот момент, когда она издевалась над его службой безопасности, не прошло даром. Ей еще предстоит выслушать много «теплых слов» от Саши Скворцова, что тоже к спокойствию не располагало.

С людьми уровня Тимофея Кольцова Катерине приходилось встречаться всего пару раз, да и то за одним переговорным столом она с ними никогда не сидела. Теперь самое главное – не завалить работу. А завалить ее очень легко, еще легче, чем представляла себе осторожная Катерина. Юлия Духова – бо-ольшая проблема, особенно если она действительно «в курсе всех дел Тимофея Ильича» и лозунг «На выборы – с открытым лицом» ее идея. Михаил Терентьев – проблема поменьше, но тоже существенная. Память о голодных журналистских годах украшает его физиономию и запястье. Он будет рвать, тянуть, грызть, кусать, только бы побольше, поскорее и потом убежать подальше. Таких, оставшихся голодными после президентских, всех озолотивших выборов, было много. Более талантливые, вроде Терентьева, оказались в выборных штабах депутатов, мэров и губернаторов. Или на телевидении, приютившем всех сирых и убогих в политических программах самого разного направления. Конечно, вряд ли Михаил Терентьев сам себе враг и будет воровать у такого монстра, как Тимофей Кольцов, открыто, но все равно с ним придется осторожничать и перестраховываться.

Катерина очнулась оттого, что услышала, как Приходченко произносит ее имя, и поняла, что она совершенно упустила нить разговора.

– Она руководит в нашей компании службой специальных проектов, и ей нет в этом равных, – договорил Приходченко с официальной улыбкой. Катерина моментально выдала шикарный cheese, с ужасом осознав, что Приходченко, в свою очередь, перевел все стрелки на нее. Понятно, что в случае просчетов и неприятностей отвечать все равно будет он, но провалит проект она, лучшая среди равных.

Тимофей Кольцов переместил свой взгляд с уха Приходченко в ее сторону и, похоже, вовсе ее не увидел. А Юлия, Абдрашидзе и Терентьев смотрели на нее с разной степенью интереса. Юлия – со здоровым акульим дружелюбием, зам – с холодным любопытством, а Михаил Терентьев с нервным блеском в стеклах дорогих очков.

– Катерина разработала и провела всю PR-кампанию Друбича. – Это был известный промышленник, желавший, чтобы о нем знали все его соотечественники. – Еще без нас она работала в президентском штабе на прошлых выборах. Теперь мы полностью переключаем ее на этот проект, – Приходченко сделал поклон в сторону «проекта», сидевшего с неподвижностью сфинкса, – и совершенно уверены, что…

– Большое спасибо, что встретились с нами, – нежданно-негаданно подал голос сфинкс. – К сожалению, время поджимает. Надеюсь, что мы сработаемся. – И медленно поднялся.

Абдрашидзе вскочил первым, и за ним – все остальные: обескураженный Приходченко, безмятежная Юлия, нервный Терентьев, изумленная Катерина и Саша, решивший, что их выгоняют.

Поняв, что аудиенция окончена, всей толпой они двинулись к двойной двери, ведущей в приемную, и в последний момент Катерина увидела Кольцова, уже поместившегося за массивный письменный стол, заваленный бумагами и уставленный телефонами.

В приемной некоторое время все делали вид, что задают друг другу какие-то вопросы. Юлия – моложавой секретарше, Скворцов – Приходченко… Всем было неловко. Очевидно, со своим окружением Тимофей Ильич не церемонился, а перед чужими людьми окружению было неловко.

– Ну что ж, самое главное, старт дан. – Абдрашидзе наконец-то решил взять инициативу в свои руки. – Ваши орлы могут приступать, Олег Николаевич. Юлия Павловна всегда поможет.

– Конечно! – с энтузиазмом воскликнула Юлия. – Что вам нужно в первую очередь?

– Ну, хотя бы этот список планируемых мероприятий, – брякнул Приходченко первое, что пришло в голову. – И, конечно, совещание собрать, чтобы понять, в каком направлении действовать, чтобы не перекрывать друг друга.

– Совещание можно провести здесь в любое время, хоть завтра. Мы все подготовим. – Доброжелательность Юлии явно хватала через край. – Список мероприятий у вас будет к вечеру, я пришлю с курьером. К вечеру же мы сможем назначить точное время совещания.

– А можно посмотреть тексты выступлений Тимофея Ильича? – вступила Катерина.

– Конечно, – с готовностью согласилась Юлия. – Тексты пишет спичрайтер. Всю информацию для выступлений готовлю я. Все ваши предложения будут учитываться. Конечно, после рассмотрения, насколько они приемлемы. – Тут пресс-секретарь улыбнулась особенно мило. – Я думаю, у нас все должно получиться. Вы не работали в политике, зато работали над имиджем многих известных личностей. А у нас как раз есть необходимый опыт политических кампаний.

– Хорошо, – заключил Абдрашидзе, – назначайте совещание, и до встречи.

В лифте все молчали. И только Катерина, перед тем как лифт деликатно тренькнул, сообщая о прибытии, сказала с грустью в голосе:

– А кофе так и не дали.

Все сложилось совсем не так, как предполагали Катерина и ее начальники. Все сложилось в тысячу раз хуже.

На совещании в «Юнионе» раздраженный и мрачный Олег поведал трудовому коллективу о новом направлении деятельности и внезапно объявил, что они берут в штат профессионального консультанта по выборам. Для Катерины и для Скворцова это было так же неожиданно, как и для всех остальных. Катерина насторожилась – как ни любила она начальников, сдавать свои позиции, «любимой и единственной», ей совсем не хотелось. И интересы дела тут были вовсе ни при чем. Или она играет с ними в открытую, или не играет никак. Роль третьего человека в компании ей вполне подходила, и отдавать кому-то управление во имя процветания нового губернатора Калининградской области она не собиралась.

После совещания, в десятом часу, она поймала Приходченко в его собственной приемной и потребовала объяснений.

– Кать, мы не вытянем все это самостоятельно, – сказал он устало, – ты же видишь, как все сложно и непонятно.

– Я тебе сразу сказала, что все будет сложно и непонятно, а ты не хотел меня слушать, – отрезала Катерина. – Олег, я не буду работать под неусыпным надзором пресс-службы Кольцова да еще и чужого дяденьки с чужими идеями.

– Уволишься? – спросил Приходченко сердито.

– Уволюсь, – согласилась Катерина. – Или я отвечаю за процесс, или нет. Назначай своего политолога главным на проекте, а меня оставь заниматься Друбичем, тверским пивом и Домодедовскими авиалиниями. Как это тебе в голову пришло, что я буду еще и политолога слушаться?

– Кать, ну не вытянем же! – жалобно проговорил Олег. Он устал, как собака, был голоден и зол. Все прошло совсем не так, как он ожидал. Он был очень недоволен собой. Девчонка поняла ситуацию лучше, чем он. Впрочем, с той стороны, откуда смотрела Катерина, ситуация сразу представлялась безнадежной. Она же не знает о его договоренности с Абдрашидзе. Олег был уверен, что в соответствии с этой договоренностью Абдрашидзе к моменту их встречи с Кольцовым уже произведет все необходимые перестановки в своем хозяйстве. Игорь никаких перестановок не произвел, и в результате Приходченко и его люди получили, по крайней мере для начала, совсем не то, что предполагалось. Кроме того, ему срочно нужно было позвонить, а при Катерине он не мог этого сделать.

– Кать, если у тебя так взыграли амбиции, я отдам этого политолога под тебя. Мне-то что? Я под тебя не копаю. Я знаю, что нам без тебя – крышка. Ты только дело не завали, а?

– Олеженька, – сказала Катерина с яростью, – я твоих дел не знаю, хотя догадываюсь, что ты не все, как примерный шеф, выносишь на суд родного коллектива. Но если тебя интересует моя точка зрения, после двадцати четырех часов базара, то я хочу тебя обрадовать – с политологом или без, но мы проект завалим. И не говори потом, что я тебя не предупреждала.

Она думала, что Приходченко сейчас взорвется, как слишком сильно надутый воздушный шар, и начнет метаться по приемной, выкрикивая угрозы и оскорбления, такое с ним раз в году случалось. Но он промолчал. И это было ужасно. Он промолчал и только присел на край стола, как будто не мог вынести этой мысли.

– Езжай домой, Катерина. Завтра поговорим. Дел много. Надо Гордеева с Андреевым в командировку отправлять, за «свежачком». – Так они называли только что собранные факты. – Им нужно направление, в котором они будут рыть. Нужно как-то к этой Юлии подъехать, чтобы она с нами делилась информацией и чтобы до Кольцова хоть что-то доходило из того, что мы придумаем.

– И неплохо, чтобы он знал, что это мы придумали. – Она помолчала, всматриваясь в его лицо. – Что с тобой, Олег? Что-нибудь очень скверное стряслось? Расскажи, я умная. Я что-нибудь посоветую.

– Все мое скверное ты знаешь, Катька. – Он улыбнулся. – Советуй, если можешь.

– Все продолжается? – спросила она тихо. – Ничего не меняется?

– Все усугубляется. А у меня сын. Целый день дома черт знает с какой нянькой. То есть нянька-то нормальная, но я не знаю, сможет она его защитить, если что… И от кого защищать? От матери? И я давно уже должен ехать, а вот стою и не знаю, что я там застану…

Они помолчали, и Приходченко закурил. Катерина горячо и остро сочувствовала ему и не знала, какими словами это можно выразить. Да и что слова?! Помочь бы, да нечем…

– Привози его на выходные к нам, в Немчиновку, – предложила она, зная, что это ничего не изменит. – Мама пироги будет печь. Места – сколько хочешь…

– Спасибо, Кать. – Он улыбнулся, стряхивая пепел в кофейную чашку секретарши Ирочки. – Может, и приедем, если что… А сейчас давай домой. Давай-давай! Как вы мне все надоели…

– Уезжаю, Олеженька! – Она решила не возвращаться к щекотливой теме наемного политолога. Кроме того, не грех бы подумать до завтра. От двери она оглянулась. Приходченко сидел на столе и задумчиво смотрел на тонкий белый сигаретный дым, странно висевший посреди комнаты. Вид у него был угрюмый.

– Пока! – сказала Катерина и взялась за ручку двери. Но сразу не ушла. Она любила уходить в несколько приемов. – Ты бы тоже ехал, Олег. Ночь на дворе. А тебя Кирюха ждет.

– Да, – ответил Олег. Только Катерине он разрешал сочувствие. – Да. Спасибо.

Дверь она прикрыла тихо-тихо. И еще несколько секунд он слышал ее шаги, гулко отдававшиеся в пустом офисе. Загудел лифт, бахнули двери. Наступили долгожданные тишина и одиночество. Хоть на пять минут. Не думать ни о чем, не волноваться, не бояться, не прятаться. Просто набрать телефонный номер.

Ответили сразу, на втором гудке.

– Я на работе, – пожаловался он. – Сейчас домой поеду. Видишь, как все ужасно. А мне так хотелось приехать, ты не представляешь…

Он говорил довольно долго, минут десять. Потом сунул мобильник в карман, запер кабинет на ключ, спустился к машине и поехал домой.

Саша Андреев, ведущий специалист агентства «Юнион», тридцатилетний, уверенный в себе и в жизни, бывший сотрудник МУРа, примерный муж и отец, не чаял души в своей начальнице.

А когда-то он не верил Мишке Гордееву, другу детства, юристу и недотепе, что с женщиной-начальницей вообще можно работать. И ошибался. Из МУРа он ушел потому, что не стало денег мальчишке на йогурты, а Таньке – на шампуни. Сердце кровью обливалось – так не хотел уходить. Да и в очередь за классным розыскным специалистом Сашей Андреевым никто не выстраивался. Податься особенно некуда. Разве что мешочников у Белорусского подвозить или охранником устраиваться. Дверь сторожить или тело – неизвестно, что лучше. Мишка уговорил его сходить на собеседование в контору, где сам работал. Там

как раз набирали сотрудников. Зарплата – десять милицейских сложить и еще на два умножить. Начальник – какая-то баба. Саша отказывался. Саша говорил – ни за что. Саша никогда не работал под началом у женщины.

Как они потом хохотали всем отделом, вспоминая Андреева с грозным и напряженным лицом, первый раз пришедшего, «чтобы побеседовать». Как хохотала Катерина, та самая «баба-начальник», вспоминая его подозрительность, и неловкость, и осторожность, и недоверие.

Что бы он теперь без них делал, отставной капитан Саша Андреев?!

Работа ему нравилась очень. И была похожа на ту, которую он умел делать так хорошо. Он собирал материалы, и равных ему в этом деле не было. Мишка мог дать собранным фактам правильное юридическое и какое хочешь толкование. А добыть их мог только Саша. Из обрывков разговоров, выброшенных документов, слухов и счетов за телефон он мог вытрясти столько деталей, выводивших его потом на нужную информацию, что Катерина, читая его отчеты, закатывала глаза в припадке бурного восторга. Ради этого восторга он и старался, собственно говоря. Ему хорошо платили, его любили коллеги и жена, и он никогда не испытывал потребности кому-то что-то доказывать. А Катерине, взявшей его на работу, несмотря на все его завихрения той поры, поверившей, что он именно тот, кто ей нужен, он с утра до ночи готов был доказывать, что она не ошиблась. Что ей нужен только он, Саша Андреев. Он понимал ее с полуслова, он всегда делал больше, чем она просила, и не во имя каких-то прозаических премий – хотя премии тоже неплохо, – а во имя необыкновенного духа дружбы и взаимной заинтересованности, который Катька так хорошо умела создавать.

Отправляя их в Калининград, «баба-начальник» просила добыть максимум сведений о промышленных предприятиях Тимофея Кольцова. Не данных аудиторской проверки, а именно сведений – сколько людей работает, какие зарплаты получают, чем довольны, чего боятся. Еще она просила поговорить под каким-нибудь предлогом с бывшей супругой, с бывшими учителями и одноклассниками, коллегами по наладочным и разным прочим работам. Посчитать, по возможности, сколько у него на самом деле домов и квартир на исторической родине и в Москве, а также вытащить на свет все «трупы». «Трупами» они называли эпизоды, имеющиеся в биографии каждого клиента, которые клиент, как правило, тщательно скрывает и прячет от всех, в том числе и от самого себя. Эти «трупы» в конце концов неизменно вылезали на свет в

самый неподходящий момент и могли испортить и провалить даже очень хорошо подготовленную кампанию.

Работали они с Мишкой слаженно и толково. На сбор данных у них, как правило, уходило недели две. Иногда меньше. Но Тимофей Кольцов был фигурой слишком закрытой, с одной стороны, и слишком известной – с другой, чтобы ограничивать себя по времени. Тем более что информация день ото дня становилась все интересней и интересней. Саша регулярно звонил Катерине в Москву, докладывал, что работа идет и они привезут много всего неожиданного. Катерина изнывала от нетерпения, торопила и ругалась. Это была своего рода игра – так она подтверждала, что их работа – одна из самых ответственных.

Пробыв неделю в Калининграде, они переехали в Светлогорск. Во-первых, чтобы не особенно мозолить глаза персоналу калининградской гостиницы, а во-вторых, поближе к даче Тимофея Ильича и к его очередной фирме, которая вроде строила отели, а потом сдавала их в аренду. Школьно-детсадовскую часть биографии Саша оставил на потом, как самое легкое.

Светлогорск Саше понравился. Немецкая чистота мощеных улочек, крутые спуски и подъемы, плотный и соленый ветер с моря, маленькие, почти европейские забегаловки, где можно поесть и выпить пива, дети и туристы, гуляющие, несмотря на осень и дождь, по лаково блестящей брусчатке, и – в довершение картинки – маленький оркестрик, играющий вальсы на площадке перед военным санаторием.

Саша вполне понимал, почему у Тимофея Кольцова дача именно здесь, а не на Куршской косе, где по традиции находила заслуженный отдых от праведных трудов верхушка местной администрации.

Три дня они прожили спокойно, тихо занимаясь своими делами. На четвертый, вернувшись в номер, Саша обнаружил, что дверь не заперта. Ругая на чем свет стоит беззаботного Мишку, Саша спустился к администраторше попросить запасной ключ. Он собирался снова уходить, а оставлять дверь открытой до возвращения Мишки не было никакого резона. Администраторша ключ дала не сразу, пришлось ждать, пока она оформит каких-то вновь прибывших, и выслушивать ахи и охи по поводу открытой двери. Почему-то Саше даже в голову не пришло спросить, возвращался ли Мишка после того, как утром они ушли вдвоем, пока администраторша не начала распространяться о том, что, уходя с утра в город, двери нужно обязательно запирать.

– А сосед мой не приходил разве? – спросил удивленный Саша. Утром он сам запер чертову дверь, и отлично это помнил.

– Никто не приходил, – заверила его администраторша, – вот я и говорю, дверь-то проверять надо, а то чего пропадет, на нас же скажете, а мы разве можем за каждую дверь отвечать…

«Во дела!» – изумленно подумал Саша. Такого с ним за время работы не случалось еще ни разу. Сбор информации они проводили вполне легально, да и Приходченко, не будь дурак, сразу же справил им лицензии на частную розыскную деятельность и на ношение оружия. Лицензии эти были никому не нужны, но в командировки Катерина всегда заставляла брать их с собой во избежание неприятностей.

Перескакивая через три ступеньки, Саша полетел наверх, в свой номер. Так и есть. У них побывали гости, причем гости совершенно нестеснительные, потому что они даже не потрудились оставить после себя все в том же виде или хотя бы дверь запереть.

Бумаги из портфеля явно вынимались и просматривались. Белье в шкафу сдвинуто в сторону. Интересно, а там что искали? «Калашников»? Лэп-топ со всеми дискетами Саша всегда носил с собой, не столько из-за конспирации, сколько понимая, что если его сопрут, Катерина с них головы снимет за разбазаривание корпоративного имущества. Копии дискет, по милицейской привычке подстраховываться, он держал в портфеле в камере хранения на вокзале, благо тут до вокзала – два шага. На бумаге они ничего не писали. С появлением компьютера это казалось полной глупостью – зачем писать от руки и потом себя же перепечатывать?

Саша задумчиво сидел в кресле, положив на колени лэп-топ. Кто у них был? Откуда проследили? Из Калининграда? Из Москвы? Версию с жуликами или нерадивой горничной он не рассматривал. Ничего не взято, а горничной ни за каким чертом не нужны их бумаги. Это забеспокоился кто-то из местных. И хорошо, если ребята Кольцова, а если другие? Тогда прости-прощай вся работа, и Катька не получит вожделенный доклад. Вытурят с территории моментально.

За свою драгоценную жизнь он совсем не боялся, понимая, что если люди так наследили, то, значит, скрывать им особенно нечего или они принимают его за

полного дурачка. И то, и другое неплохо, и означает, по крайней мере, что никакой опасности для окружающих Саша Андреев пока не представляет. А значит, и бояться ему нечего. Обидно другое: никакой слежки он нигде не заметил, расслабился, и теперь под угрозой срыва оказалась вся работа. Как это он проглядел, отставной милицейский капитан? Не мог, не должен был проглядеть. Хотя в добытых ими с Мишкой данных никакой криминал и не ночевал, только, может, мимо проходил. Но ведь еще Ильф и Петров писали, что все крупные состояния нажиты нечестным путем, и никого сегодня этим не удивишь, и никакой это не компромат.

Они выяснили, что начинал Тимофей Кольцов действительно в Калининграде, открыв мастерскую, или, как тогда говорили, «кооператив», по ремонту иномарок. Иномарок, старых, как мир, в Калининграде, как в любом портовом городе, было просто море. С удручающей хозяев регулярностью они ломались, а Тимофей Кольцов с приятелями придумал их чинить и даже наладил поставку запчастей из Германии и Польши. Кооператив платил взятки таможенникам. Детали беспрепятственно следовали через границу, и все были счастливы. Потом скромную мастерскую Тимофея Кольцова сожгли. То ли дань не стал платить, то ли платил, но мало, то ли платил, но не всем. Тимофей Кольцов построил на ее месте новую, лучше прежней, и говорят, что в день открытия вовсе в другом конце города сгорело кооперативное кафе. Говорили также, что это Тимоха отомстил за свое детище, и больше к нему вопросов со стороны местных авторитетов не поступало.

Потом началась эра приватизации, и Тимоха решил купить родной завод, помиравший к тому времени медленной и мучительной смертью. Мастерская уже превратилась в громадный техцентр с автосалоном и заправкой. Машины и бензин они продавали по чудовищно низким ценам, и тогда же пошел слух, что полукриминальный и оборотистый Тимоха наладил какую-то связь с «ЛогоВАЗом». Берет у них машины по бросовым ценам якобы для вывоза за границу, платит взятки пограничникам, оформляющим вывоз, и спокойненько продает машины в городе, как реэкспортные.

«К нам за «Жигулями» очереди стояли, – поделился с Сашей Андреевым бывший охранник техцентра «Балтика», – у соседей они сгнили все, а у нас шли нарасхват. Умен Тимофей Ильич и дело умел организовать. И спокойно все было, ни тебе бандитов, ни тебе милиции. Уж с кем он там делился, не знаю, а уважали его в городе очень. Машину на каждой заправке знали, в каждом

ресторане. Жалко, что за большими делами в Москву уехал, редко здесь бывает». – «А говорят, вернется». Саша решил проверить, есть ли у Кольцова хоть один потенциальный избиратель. Бывший охранник посмотрел на Сашу вопросительно: «Совсем вернется?» – «Ну, губернатором станет», – пояснил Саша. Охранник воспрял духом: «А что? Из него губернатор во какой получится! Он моментально порядок наведет, всех работать заставит. У него на заводе знаешь, как вкалывают? Как при немцах. И на верфях тоже. У меня зять там, мастером участка. Так он говорит, у них перекур по звонку. Звонок зазвенел – все закурили, другой раз зазвенел – все потушили, и опять на стапеля. И попробуй ты на пять минут дольше курить. В книгу занесут, и всем премия к Новому году, а тебе – шиш. У них там в отделе кадров заявлений лежит на десять лет вперед. Работа тяжелая, грязная, на улице, а все хотят или на «Янтарь», или на верфи. А почему? Потому что хозяин – редкий человек. И платит хорошо, отлично платит. Задержки – ни-ни. Ни разу не задержали. Директор себе в последнюю очередь выписывает. Говорят, сам Тимофей Ильич так постановил и сам следит». – «Вы же рассказывали, он бандит какой-то», – не удержался Саша. «Сам ты бандит, – разгневался охранник, поднимаясь с лавочки, на которой они разговаривали. – Может, он чего и нарушал, но, если бы все правители такие бандиты были, у нас бы уж точно давно коммунизм сделался».

Завод этот необыкновенный коммунист приватизировал очень легко. Под соусом какого-то очередного постановления о самоуправлении были назначены и с блеском проведены директорские выборы, на которых Тимофей Ильич победил. Завод, выпускавший турбины для мощных кораблей, остановился еще в начале перестройки и с тех пор работал от случая к случаю, когда находились заказы. Кольцов половину завода тут же сдал в аренду каким-то фирмачам, бравшимся выпускать лодочные моторы. Другую половину Тимофей Ильич запустил через полгода после покупки, и с тех пор завод больше не останавливался ни на день. С бычьим упрямством он искал заказы на турбины и в конце концов нашел их. Он заключил договоры с Литвой и Эстонией, с какими-то совсем далекими развивающимися африканцами, которым нужны были корабли, и с МЧС, которое покупало у него лодки. Африканцы остались турбинами премного довольны и посетовали, что у господина Кольцова нельзя купить корабль целиком. Господин Кольцов, пораскинув мозгами, решил, что он вполне потянет и собственные верфи, которые тут же приватизировали в его пользу. К этому моменту его, по слухам, поддерживали премьер-министр и некоторые вице-премьеры. Из этой поддержки сложилось несколько государственных заказов, облегчивших жизнь судостроительной империи Кольцова в тот период, когда нужно было только вкладывать, не получая никакой отдачи.

Министр МЧС несколько раз приезжал в Калининград по приглашению Тимофея Кольцова и в конце концов заключил с ним договор на строительство учебной базы спасателей под Зеленоградском. Тимофей Ильич выкупил у местной военной части землю, построил базу, оснастил ее вертолетами, катерами, грузовиками и всевозможной техникой, купленной все в той же военной части, где она долгие годы гнила на улице, и нажил на этом деле еще одно состояние, вполне достаточное для того, чтобы платить дотации Калининградской области из собственного кармана.

Из сопредельных держав, очень обеспокоенных собственной гражданской безопасностью, на базу потекли желающие потренироваться. Желающих принимали, обучали, тренировали и брали с них за это немалые денежки. Все были довольны – скандинавы, которым тренироваться здесь было дешевле, чем на базах в Атлантическом океане, МЧС, получающее дополнительные денежные вливания, и даже премьер, который возил на эту базу иностранных гостей.

Но Тимофею Кольцову всего этого оказалось мало. В процессе создания империи откуда-то еще всплыл Уралмаш, в совет директоров которого Тимофей Ильич вошел. Конечно, ему понадобились карманные банки для того, чтобы проводить через них деньги, и он их создал. Потом он стал покупать газеты и телеканалы, финансировать театры и гастроли знаменитостей. Пожалуй, к сегодняшнему дню, когда какие-то неизвестные забрались в номер Саши Андреева и Миши Гордеева, Тимофей Кольцов был самым известным человеком в области и одним из самых известных в России.

Саше казалось, что чем больше он работает, собирая информацию, тем меньше представляет себе, зачем Тимофей Кольцов все это проделал. Саша, весьма неглупый, читающий, циничный, да еще много лет проработавший «в органах» молодой человек, отлично понимал, что никакой «финансовый олигарх» ни за что не будет платить зарплату на своих нефтяных скважинах или заводах, если он вполне может этого не делать. Огромные состояния возникали из воздуха и тут же уходили за границу – на счета в швейцарские банки и в недвижимость в Ницце. Бесконечный дележ мест у кормушки – у бюджетной трубы, у газо– или нефтепровода, у шахты с цветными металлами – вот назначение и основной жизненный смысл олигарха. Зачем тратить силы и деньги, вкладывать их в какое-то производство, раздавать взятки, искать инвесторов и заказчиков, когда можно ничего этого не делать, а приватизировать, например, «Норильский никель» и спокойно торговать сырьем? В высокие чувства людей, подобных Тимофею Кольцову, Саша совсем не верил, значит, было что-то еще,

заставлявшее его поступать так, а не иначе. И Саше казалось, что, если он поймет, что именно, задача будет решена и ответ сойдется. Тимофей Кольцов станет понятен и ясен, как друг детства, всю жизнь проживший за соседним забором.

Было и еще кое-что в его биографии, совсем непонятное Саше. Но об этом прежде всего придется посоветоваться с Мишкой, а уж потом с Катериной.

«Надо «хвоста» вычислять, – с тяжелым вздохом решил Саша. – И разбираться, кто это, свои или чужие. А Катьке пока не буду говорить. Переполошится еще. Скажет, провалил ты задание, капитан Андреев!»

Наемный политолог оказался веселым бородатым мужиком с красными рабочими руками, в дорогих джинсах и стильном пиджаке. Демонстрируя лояльность ко всем окружающим и профессионализм, позволивший ему с ходу разглядеть своего главного врага, он тут же пригласил Катерину поужинать и ничуть не расстроился, получив «ответ с отказом», как называл это Приходченко. Политолога звали Слава Панин, и он был вовсе никакой не политолог, а консультант по выборам.

К своему удивлению, Катерина очень быстро нашла с ним общий язык – видно, он и впрямь был профессионал. Кроме того, Приходченко, как и обещал, оставил Катерину главной, сделав наемного консультанта лишь вспомогательной рабочей силой при ее высочестве. Но и консультант мало чем смог помочь. Отношения с окружением Тимофея Кольцова никак не выстраивались.

Прежде всего оказалось, что авторами идеи «выборов с открытым лицом» действительно были Юлия Духова и Миша Терентьев. С кем они советовались – непонятно, и почему именно эта, скажем прямо, совсем не новая идея так увлекла их – тоже неизвестно, но вся работа проводилась, исходя именно из этой, глубоко неправильной идеи. Так считала Катерина, так считал Приходченко, и так, чуть-чуть войдя в курс дела, стал считать консультант Панин. Совещание, на которое созвали и людей Абдрашидзе, и людей Приходченко, прошло в «теплой, дружественной обстановке», ничуть не облегчив задачу выработки каких-то совместных стратегий.

Катерина написала план работы. План осел у Юлии, и на вопросы, видел ли его Абдрашидзе, Юлия отвечала, что все всё увидят, когда придет время. Саша Андреев и Миша Гордеев пропали в Калининграде, а без их данных работать в полную силу было совершенно невозможно.

Катеринины родители улетели в Англию. Бабушка, сидя целый день на даче, изнывала от одиночества и порывалась ехать в Москву, встречаться с «девочками», а Катерина ни за что не хотела отпускать ее одну. У племянницы Саньки резались очередные зубы, и она температурила, а Дарья, сестра, только-только собралась отправить их с нянькой на какое-то теплое море.

Катерина знала, что так бывает в жизни – вдруг все сразу идет наперекосяк. Какие-то унылые мелочи начинают раздражать и представляться совершенно неразрешимой проблемой. С Катериной так бывало редко, но все-таки случалось. Отец в таких случаях мечтал вслух: «Замуж бы тебя отдать», но разговоры о счастье в браке Катерина не поддерживала, и родители – слава богу! – эту тему не развивали.

В довершение всего Тимофей Кольцов вдруг появился в программе «Герой дня» на НТВ и выглядел там так плохо, что расстроенная Катерина едва-едва смогла досмотреть передачу до конца.

Ему противопоказаны долгие студийные беседы. Он выглядит идиотом. Камера искажает его голос, подчеркивает необъятность размеров и неумение говорить. Он слишком долго думает, прежде чем ответить, поэтому кажется, что ему совсем нечего сказать. Он не улыбается, и поэтому кажется, что у него плохие зубы или скверный характер. Он не умеет уходить от ответа, а когда пытается, то делает это с грацией слона. У него прямо-таки на лбу написано: «Я не буду отвечать на этот вопрос».

Все это Катерина записали на листочке и стала звонить Приходченко. Его не было дома, к телефону подошла его жена и долго молчала, прежде чем выдавила из себя, что он повез Кирюху в цирк.

– Вот это цирк, – пробормотала Катерина, набирая следующий номер. Скворцов был на месте. Выслушав Катерину, он пообещал поговорить с Абдрашидзе по поводу согласования и пересмотра пресловутого «плана мероприятий».

– С Абдрашидзе, если уж на то пошло, я сама могу поговорить, – сердито сказала Катерина, ожидавшая от него вовсе не обещания поговорить с Абдрашидзе. – Ты мне лучше скажи, как мы вообще будем с ними работать? Вот ты знал, что у него сегодня выступление на НТВ?

– Нет, – честно признался Саша. – Не знал. Ну и что, собственно? Если бы знал, все равно ничего не изменилось бы. Ты ж понимаешь, все решения принимает Юлия.

– Все решения должен принимать Игорь Абдрашидзе, согласовывая их с Олегом Приходченко. Или никакая PR-служба им ни за каким чертом не нужна. Ну, я завтра с Юлией вашей поговорю по-своему…

– Катька, не смей, – вдруг переполошился Скворцов, – а если и вправду она его подруга жизни, тогда что? Прощай, работа?

– Кстати, так и не выяснили, кто у него подруга жизни? – хладнокровно поинтересовалась Катерина. – Надо выяснить, что так-то, пальцем в небо… Ну, ладно, Саш, а с Юлией я все-таки поговорю.

Разговор этот состоялся не на следующий день, а только в конце недели, когда проводилось очередное «рабочее совещание» и, как всегда, «в пользу бедных». Это отцовское выражение нравилось Катерине все больше и больше.

– Я не понимаю нашей роли во всем этом замечательном деле, – начала Катерина, когда, уже под конец совещания, ей предоставили слово. – Мне кажется, что у нас и роли-то никакой нет. Мы только прессу мониторим, но для этого не нужна PR-служба. Две недели назад мы отправили на согласование наш план. И никакого ответа. Мы даже не знаем, в какой стадии там дела. Может, его заново надо переписывать от начала до конца.

– Я прошу прощения, что перебиваю, – вступила Юлия, ничуть не утратившая дружелюбия и спокойствия, – но скорее всего так и придется сделать. Это наша общая ошибка, мы сразу не договорились… Мероприятия придумываем мы, а вы организовываете их и освещаете в СМИ.

– По-моему, задача наемной PR-службы состоит совсем не в этом, – сказала Катерина, нажимая на слове «наемная». – Естественно, мы можем и

организовывать, и освещать, но если мы участвуем в выборах, нам хотелось бы иметь возможность хоть как-то влиять на результат. А мы ее не имеем. И я не понимаю, почему мы не можем предложить какого-то своего решения проблемы.

Все совещавшиеся вдруг разом замолчали: впервые с тех пор, как они начали некое подобие совместной деятельности, одна из сторон решилась открыто высказать неудовольствие другой. Но Катерину было уже не остановить:

– Почему мы не можем изменить основной выборный лозунг? Почему не можем придумать другой, пока есть время? Почему мы не можем посмотреть речи Тимофея Ильича до выступления и дать какие-то рекомендации? Почему прошел «Герой дня», а мы даже ничего не знали о том, что он должен быть?

– Кстати, совершенно провальная программа, – неожиданно подал голос Слава Панин. – И вопросы не ахти какие, а уж ответы и того хуже. Нельзя давать Кольцова в прямой эфир, это не Жириновский с его живостью. То стаканом кинет, то обзовет нецензурно… Всем весело и хорошо. Тимофея Ильича надо солидно подавать, основательно, например, на каком-нибудь благотворительном вечере с женой под ручку. Или на открытии больницы, или на стадионе. На трибуне, рядом с Лужковым… Но уж точно не в прямом эфире.

– Но кандидат должен быть на телевидении, – возмутился Миша Терентьев, уверенный, что чем больше телевидения, тем солиднее выборы. – Он не может только в больницы ходить.

– Вот мы и должны вместе придумать, куда он должен ходить, – подхватила Катерина. – Миша, вспомните прошлые выборы. Сколько раз там, в штабе, повторяли – в следующий раз ничего не будем делить, только работать, а мы с вами уже месяц все делим и делим непонятно что. Все равно по степени близости к боссу вас никто не переплюнет. Мы только предлагаем: прислушайтесь к нам, мы ведь тоже дело знаем…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tatyana-ustinova/personal-nyy-angel

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить